КРОКОДИЛ

№ 10
АПРЕЛЬ 1972

ЛОТЕРЕЙНЫЙ СПОСОБ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕМИЙ

Рисунок
Б. САВКОВА

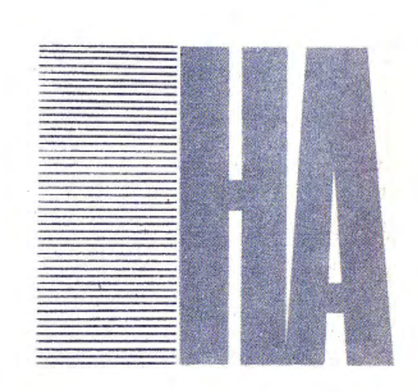

ПОДГОТОВКА ФРОНТА РАБОТ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

НА СТАЛЬНОМ КОНЕ

С наступлением весны все вокруг становится голубее и прозрачнее, и прохожие непроизвольно улыбаются друг другу. А если весна является преддверием такого большого праздника, как 50-летие образования Советского Союза, то тут даже у фельетониста губы растягиваются в улыбку и ему хочется вместо злого фельетона о каких-то там нарушителях написать положительный репортаж о достижениях.

Такое чувство было и у меня, когда я не так давно побывал на Минском тракторном заводе.

Я остановился возле фасада завода, который, надо сказать, выглядит весьма презентабельно. Два симметричных здания с башнями, характерными для архитектуры пятидесятых годов. Между ними многочисленные двери проходной. Перед этим ансамблем площадь, на которой возвышается на постаменте первый трактор МТЗ-2, выпущенный восемнадцать лет назад.

Завод молод, он начал строиться сразу после войны. И, несмотря на свою молодость, уже успел отпраздновать 25-летний юбилей.

Люди в этом отношении как-то скромнее предприятий и начинают праздновать свои личные юбилеи с 50-летнего возраста. А то и позже. Но у людей, конечно, в более раннем возрасте почти и не бывает особых заслуг. А у завода есть. О них я расскажу дальше.

Редактор многотиражной газеты «Трактор» Зиновий Александрович Шереметьев предложил разыскать первый сошедший с конвейера трактор и водрузить его на пьедестале перед проходной. Это было нелегкой задачей, и люди, которые занялись розыском, сердито поглядывали на редактора, считая, что он придумал уж слишком непосильную задачу. Отправили письма, разослали гонцов, и первый трактор все же был найден на полях колхоза «Большевик», Копыльского района. Рубцы сварки покрывали тело ветерана, но, как говорится, сердце его еще не постарело. Он вспахал глубокую борозду в посевной прошлого года и своим ходом, проделав 140-километровый путь, вернулся на завод.

Вот как выносливы тракторы МТЗ, а ведь надежность их узлов сейчас увеличена во много раз.

На заводе первенца встретили с большим торжеством. Те же люди, которые собирали его восемнадцать лет назад, подновили его, заново выкрасили и водрузили на пьедестал.

А через несколько дней все увидели, что за его рулем сидит какой-то человек.

Рабочие подумали, что дирекция завода в своем рвении разыскала и первого тракториста, поручив ему восседать на законном месте. Но оказалось, что это вовсе не историческая личность, а всего лишь молоденький паренек с этого же завода. И свое присутствие на сиденье он объяснил так:

— Мой приятель Вася сейчас выйдет из проходной, а отсюда мне его лучше видно...

После этого пареньку было предложено с чужого постамента слезть и подождать, пока для него воздвигнут собственный, персональный.

За сравнительно короткий срок завод завоевал всемирную славу. Он награжден орденом Ленина и орденом Октябрьской Революции. Сотни рабочих имеют ордена и медали, слесарям Климченко и Самусеву, газосварщицам Мягковой и Прусовой присвоено звание Героя Социалистического Труда. И я подумал, что основа этих успехов прежде всего зиждется на двух китах. Первый кит — это дружба. Дружба и товарищеская взаимовыручка в многонациональной заводской семье.

Имя второго кита опять-таки дружба. Дружба между родственными предприятиями, соревнование с ними и обмен опытом.

Вопросами соревнования занимается на заводе отдел труда и зарплаты, и я зашел туда провентилировать второй вопрос.

Я разговорился со старшим инженером отдела Александром Никитичем Коробанько, но, как это часто бывает, мы почему-то взялись не за второго кита, а за первого.

В Белоруссии в партизанских отрядах сражались люди разных национальностей. Когда кончилась война, многие остались в Минске, работают на тракторном заводе.

— Дружная у нас семья,— сказал Коробанько.— Возьмите наш отдел. Я, например, белорус. Вопросами соревнования, которыми вы интересуетесь, ведает Зайнаб Ибрагимовна Конопацкая. Она татарка. Заместитель начальника отдела Александр Евдокимович Мезенцев — русский. Балашова Люба, секретарь-машинистка,— украинка. Старший инженер Ермильда Августовна Куликова — эстонка. Рядом со мной работает Елизавета Менделевна Ханина. Она еврейка. Видите, какое созвездие наций! На любом участке завода увидите то же самое.

Я убедился в этом, побывав во многих цехах. Одно из интереснейших мест завода — главный конвейер. Оно интересно тем, что все цеха завода (а их несколько десятков) работают, чтобы обеспечить этот прожорливый, ненасытный цех.

Здесь каждые четыре минуты рождается трактор. Рождается он, по сути дела, из ничего. Так сказать, материализуется на глазах из пространства. На конвейер, который движется ровными пульсирующими толчками, устанавливается полурама, на нее — мотор. И вот уже есть нечто, что через несколько минут будет трактором и, фырча, побежит по заводскому двору. Эту первую операцию, к слову сказать, выполняет Александр Федорович Бабашков. Он заслуженный рабочий. Не раз выбирался членом цехкома, профгрупоргом смены. Награжден Ленинской юбилейной медалью. Трудится на заводе с 1965 года.

Будущий трактор, или пока что его основа, его сердце, движется по конвейеру. Он идет мимо пультов, которые стоят на страже безостановочной работы конвейера. На каждом участке есть какой-то задел нужных деталей. Это вроде неприкосновенного запаса. Как только начали его расходовать, на пульте нажимается кнопка, и тут же загораются лампочки в двух местах: у диспетчера и в цехе, где их изготовляют. Смысл понятен всем:

— Давай, давай скорее. Начали расходовать НЗ!

Конвейер движется мимо электрического табло, где все время меняются две электрические цифры: одна — сколько на эту минуту должно быть сделано тракторов, вторая — фактическое выполнение.

За короткое время трактор на глазах обрастает узлами и деталями: устанавливается задний мост, система механизмов задней навески, ступица заднего колеса, аккумуляторы...

И вот трактор почти готов, в него заливают горючее и смазку. Горючего чуть-чуть, чтобы только хватило на обкатку. Зачем лишнее-то? Какое-то время трактор должен поездить, поработать, чтобы притерлись все детали. И вот он уже плывет, но пока еще не на своем ходу, под громоздкими кожухами вентиляции, которые убирают выхлопные газы. Вот он, работая на холостом ходу, скатывается с конвейера. Колеса касаются земли, и через секунду (чувствуете момент?) машина уже идет в свой нелегкий, трудный путь.

И вы знаете, уважаемые читатели, я смотрю на героический труд этих людей (не побоюсь этого слова), и меня гложет мысль: а вдруг вот именно этот трактор попадет в плохие руки? Вдруг он с первых дней рождения окажется на другом «конвейере», где из него в обратной последовательности начнут высыпаться винты, гайки, болтики, крылья до тех пор, пока он опять не превратится в ничто? Или, говоря более научно, в газ без цвета и запаха.

Я поясню свое опасение. Вот тому первенцу, о котором я говорил вначале, тому повезло. Восемнадцать лет назад мы к тракторам относились с почтением. Их у нас было мало. А сейчас один Минский завод осенью даст миллионный трактор. Чего их жалеть?

Не так давно, будучи во Владимирской области, шел я по проселочной дороге и вдруг сзади услышал жуткий нарастающий грохот. Мне даже показалось, что это реактивный самолет. Но это был все тот же многострадальный «Беларусь». На нем сидел парнишка лет четырнадцати. Глаза его были выпучены от напряжения. И он гнал свой трактор по колдобинам со скоростью электрички. Я едва успел шарахнуться, как он уже скрылся в туче пыли. Ну что, скажите, останется от машины при такой эксплуатации?

Или еще. Иду как-то мимо колхозной стоянки сельхозмашин. Уже темнеет, но слышу мерное позвякивание, какие-то металлические звуки. Я еще подумал: вот молодцы, механизаторы, допоздна чинят инвентарь, Приближаюсь — крик «Атас!». Ребятишки, человек десять, облепили три новеньких «Беларуси» и производят соответствующую модернизацию. Ни сторожа, ни взрослых — никого. Гаркнул на них — разбежались.

И это, если хотите, не извечное стремление фельетониста испортить бочку меда ложкой дегтя. Нет. Наверное, хозяевам этих машин надо было бы побывать на Минском тракторном, посмотреть, как здесь работают...

И еще одну увлекательную историю хочу я вам рассказать, опять же связанную с непрерывной работой конвейера.

Машины сходят. Но ведь надо их куда-то девать. Верно?

Не так давно на заводе стали делать МТЗ-50Х. Эта машина, кроме всего прочего, убирает хлопок. Отсюда и буква «Х». И в Узбекистане прямо возликовали, узнав об этой машине. И попросили увеличить ее выпуск вдвое. До зарезу она им была нужна.

Но министерство — то да се, разрешило увеличить выпуск на 75 процентов. Много было мороки на заводе: набрать людей, расширить мощности и уладить разные организационные вопросы. Начали выпускать — Саратов не дает своевременно подшипники 42-412. В январе на три дня сорвали сборку. В феврале — на два дня. Ладно. Не в этом суть. Преодолели трудности. Суть в том, что, когда машины были сделаны, Узбекистан отказался их принять, потому что там не смогли их укомплектовать необходимыми хлопкоуборочными агрегатами. Они, видите ли, к этому были не готовы.

Ну, вы понимаете, государственный завод — это не частная лавочка — абы кому тракторы не продашь. Хотя в принципе и можно. Колхозы, например, их с руками оторвут. И получается довольно сложное положение на Минском заводе. Все площадки забиты машинами, а девать их как будто некуда.

Это я пишу к тому, что руководители МТЗ попросили меня хоть как-нибудь им помочь, чтобы выправить ненормальное положение.

Что касается вопроса о соревновании и дружбе с родственными предприятиями, то об этом минское радио говорило много раз в сутки. Но уж настолько в общей форме, что понять, какие это соревнование дает плоды, никак не удавалось. Пришлось опять обращаться на завод, выискивать какие-то следы, и они-то привели меня к главному металлургу и опять же в ОТиЗ, к инженеру тов. Ханиной.

Разумеется, большая дружба связывает Волгоградский и Минский тракторные заводы. Ведь второй, можно сказать, меньший брат первого. И когда на первых порах понадобились кадры, многие минчане осваивали профессии в Волгограде.

Но главное, если хотите, даже не в этом. Сейчас много пишут о том, как за границей развивается промышленный шпионаж. А у нас обходятся без этого. Даже наоборот.

Вот на Минском заводе сначала вроде бы не требовалось много углеродистой стали. Потом вдруг углеродистая сталь понадобилась, а электропечи не могут обеспечить нужным количеством. Поехали к волгоградцам. А у них электропечи не цилиндрические, а конусные и объем их значительно больше. На 15 процентов, можете представить?

Ну, послали лучших сталеваров из Минска в Волгоград. Те все посмотрели обстоятельно, привезли описание. Сделали по их чертежам у себя такие же печи. Только конусные печи оказались настолько сложные, что их пришлось изготавливать на Минском автозаводе. Одним словом, без всякого шпионажа, на одном только доброжелательстве была решена эта проблема.

А теперь давайте, дорогой читатель, выйдем из цеха на заводскую аллею. Здесь нет грохота. Здесь на редкость чисто и культурно, правда, дыма многовато, но от этого никуда не денешься. На то он и завод.

А на заводской аллее один к одному стоят ярко-красные, я бы сказал, вишнево-красные, новенькие тракторы «Беларусь». Эти тракторы предназначены на экспорт. 57 стран покупают их. В последние годы «Беларусь» стали покупать такие высокоразвитые страны, как Англия, Франция, Италия, Бельгия и другие.

Очень хорошо!

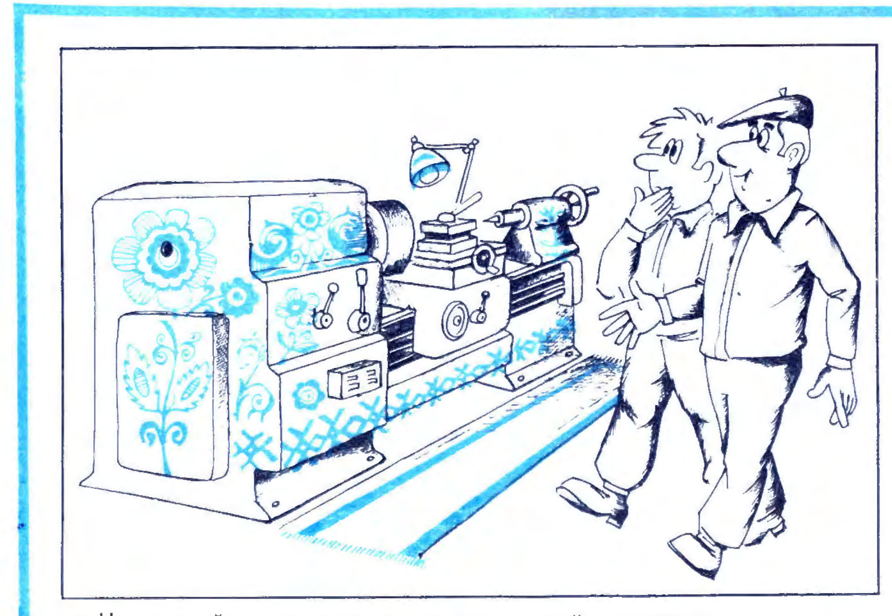
А что касается государств, скажем, в Африке, то там давно на наш трактор не нарадуются. И только недавно кто-то спросил там нашего инженера:

— Вот ваш трактор в пятьдесят лошадиных сил и английский в пятьдесят лошадиных сил. Но ваш тянет намного лучше. В чем дело?

На что последовал ответ:

— Видите ли, в России лошади несколько сильнее...

Минск — Москва

— Не удивляйся — на днях смотр технической эстетики...

Рисунок В. ШВАРЦА

Е. КРУКОВЕЦ, специальный корреспондент Крокодила

САПОГИ ВСМЯТКУ

Слышать-то вы о них, безусловно, слышали. А вот доводилось ли вам когда-либо своими глазами увидеть, как говорится, своими руками пощупать? Мне вот, например, довелось. Забавная вещичка!

Дотошный читатель сейчас же воскликнет:

— Позвольте, да может ли быть такое?! Ведь сапоги всмятку — это же чепуха, иллюзия, бессмыслица. Как же можно их увидеть и тем более пощупать руками?!

Верно. Если судить по толковому словарю, то, пожалуй, действительно рассмотреть их никак нельзя. А вот если судить по Уголовному кодексу, тогда, оказывается, вполне возможно.

В данном случае судили не по словарю, а по кодексу. Дело рассматривала коллегия по уголовным делам Закарпатского областного суда. На скамье подсудимых восседали начальник Вилокского филиала Виноградовского производственного объединения обувных предприятий № 7 В. Л. Манайло, главный инженер филиала Ф. И. Цупик и отправлявший здесь должность начальника ОТК М. И. Попович. То есть именно те люди, которые организовали выпуск сапог всмятку в массовом масштабе.

Этот вид сапог отличается от обычной обуви весьма примечательными свойствами. Прежде всего, натянув их, вы сразу же ощущаете, как в вашу ступню медленно, но верно впиваются гвоздики, отчего у вас тут же темнеет в глазах. Сдернув сапоги, вы можете заметить различную толщину и плотность передов и то, что каблуки игриво отстают, а подошвы аккуратно деформированы, напоминая застывшую морскую волну.

Эти конструктивные новшества не понравились консервативно настроенным работникам торговых баз. И консерваторы начали ставить палки в колеса новаторам.

Отправили обувщики, к примеру, на Котовскую межрайбазу четыре с половиной тысячи пар сапог. Там их внимательно разглядели и 1 700 пар забраковали. Объединение должно было заплатить около трех с половиной тысяч рублей штрафа. Но кому охота платить такие денежки? Обувщики обратились в экспертизу, послали своих представителей чего-то доказывать. Только ведь если каблуки отстают, то тут никакой самый рассудительный представитель ничего не докажет.

В результате все 1 700 пар поехали обратно в Вилок, а объединение дополнительно к штрафу потратило еще 213 рублей на экспертизу, перевозки и командировки. Убытки, таким образом, составили совершенно не круглую сумму — 3 621 рубль 74 копейки.

Руководители филиала пораскинули мозгами и сообразили, в чем их просчет.

— Все потому, что мы отправили слишком большую партию. У них там глаза разбежались, и начали привередничать. Надо отправлять помалу.

И на Чертковскую межрайбазу отправили всего ничего: 360 пар. А те возьми и забракуй всю партию чохом.

— Эх, в другую мы ударились крайность — слишком мало отправили,— спохватились в филиале.— Надо найти золотую середину, оптимальный вариант!

Поэтому в адрес Волынского смешторга отправили уже 920 пар. Но и оптимальный вариант не помог: опять пошли штрафы, госпошлина, расходы транспортные и командировочные — всего около двух тысяч рублей.

Правда, сказать, что всегда обязательно возвращали целиком партию, было бы некоторым преувеличением. Но третью часть, как правило, браковали. Каждый раз. А «разов» этих за год набралось тридцать восемь. Из почти шестидесяти тысяч пар сапог почти двадцать тысяч с позором возвратилось на фабрику. Объединение потерпело убыток в размере тридцати семи тысяч рублей, не считая мелочи.

Вот что такое сапоги всмятку. А вы говорите, иллюзия...

На суде, естественно, поинтересовались технологией выпуска столь оригинальной обуви. Технология оказалась очень простой.

Прежде всего руководители позаботились об определенном уровне трудовой дисциплины. Уровня достигли такого, что на работу выходил только тот, кто очень хотел, а уходили с работы, кому когда вздумается. Благодаря такой оригинальной постановке дела работающие применяли старинную скоростную систему «тяп-ляп». Кроме того, нередко тачать сапоги принимались люди, не обученные сапожному делу. Это также давало свой эффект...

Не останавливаясь на достигнутом, начальник и главный инженер до предела упростили работу сушильного агрегата. По нормам обувь должна сушиться двенадцать часов при температуре 60—70 градусов. Сушили вдвое быстрее при температуре вдвое ниже. Продукция выходила из сушки несколько похожей на авторитет руководителей филиала — подмоченной. А поскольку к тому же забывали о заготовке тары, то сброшенные навалом сапожки окончательно теряли товарный и принимали вполне неприличный вид.

Не обошлось, кстати, и без своеобразной художественной самодеятельности. Нашлись умельцы, которые с большим изяществом подделали штампы ОТК, собственноручно ставили эти штампы на обувке и сдавали ее на склад. С участниками этой самой самодеятельности будут разговаривать отдельно, в другом зале суда.

Вы хотите узнать, чем награждены новаторы, авторы сапог всмятку? «Премия» была весьма и весьма существенной. Например, начальник филиала Манайло, главный инженер Цупик и начальник ОТК Попович получили по году исправительных работ с вычетом двадцати процентов заработка. И, кроме этого, они обязаны уплатить государству по две тысячи рублей каждый в частичное возмещение убытков.

Вот какие пироги. То есть, простите, сапоги.

Закарпатская область.

Плоды раздумья

Истина не нуждается в защите только от умных людей.

Хорош только тот памятник, который не разрушают ни современники, ни время.

Иные начинания настолько дурны, что их не так-то просто завершить.

Робота следует устроить по образу и подобию человека, чтобы и ему можно было завинчивать гайки.

Где карлики играют роль великанов, великаны не играют никакой роли.

Читая слабые книги, всегда думаешь: «До чего же все-таки сильны эти писатели!..»

Глупость — слепота, упорство в глупости — это уже точка зрения.

Гуманист всегда чувствует себя тираном, а тиран — гуманистом.

Если у тебя нет совести, то чего же тебе еще не хватает?

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОКАМЕНЕВШИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ УДОБРЕНИЯ (рацпредложение Крокодила)

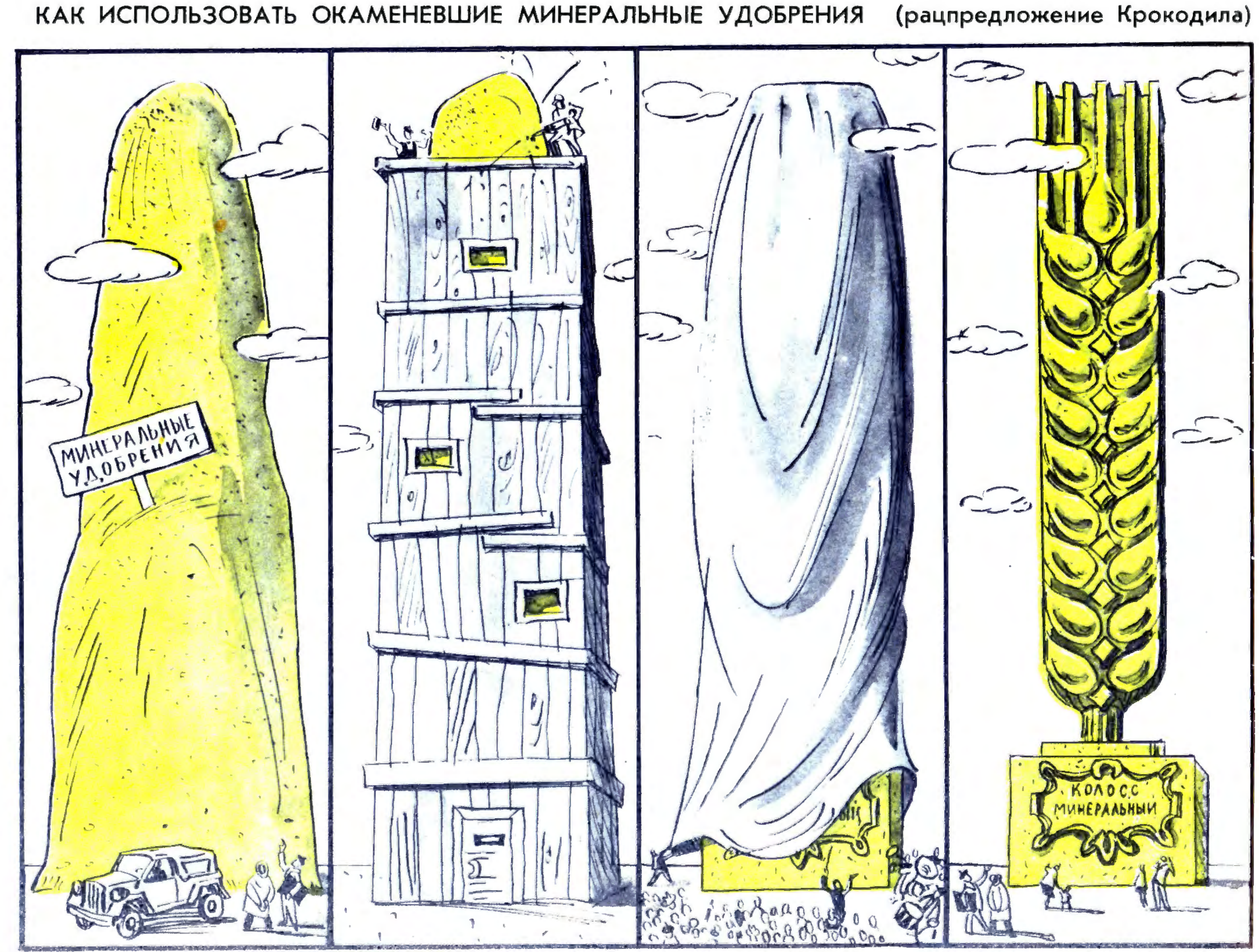
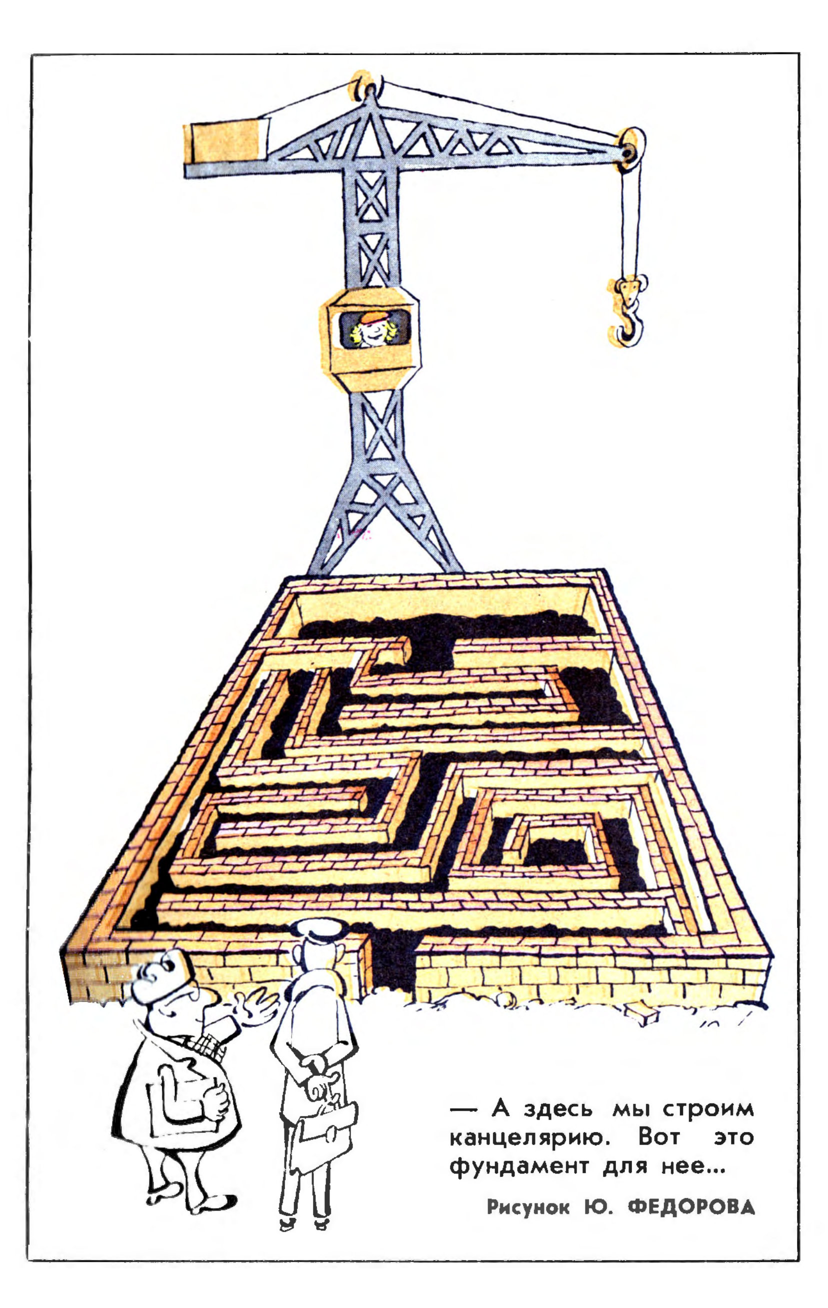

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— А здесь мы строим канцелярию. Вот это фундамент для нее...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Анатолий ЛЫСОВ

Коллеги

Жулик отпетый не льстился на мелочи:
взятая вещь быть должна дорогой.
Десять костюмов примерит в примерочной,
девять оставит, в десятом — домой.

Туфли... Три пары он сразу примеривал.
Как же доверчивы все — ну и ну!..
И в благодарность за это доверие
пару присваивал только одну.

Выбритый гладко, одетый изысканно,
вежливый, он продавца покорял.
Тот отвернется —
и не с кого взыскивать:
в сумку с прилавка ушел матерьял.

Вспомним веревочку: сколько ни виться ей,
все же конец ей однажды придет.
Не продавцами, а местной милицией
пойман с «покупкой» был вор у ворот.

Кража за кражей всплывали на следствии.
Обыск... Глазам не поверил никто:
в доме у жулика целые секции
обуви, тканей, костюмов, пальто!..

В универмаг ревизоры нагрянули:
каждый суров,
и дотошен, и зряч...
Сняли остатки — дивятся. Не странно ли:
не было,
нет
никаких недостач!

Вновь проверяют внимательно пятеро:
снова завмаг смотрит прямо в глаза,
полный порядок, ажур у бухгалтера...

— Мне поучиться бы! — жулик сказал.

Л. ТРЕЕР

БОЛЬ

Рассказ

Он смотрел в окно и, скучая, ел яблоки.

Проехал на велосипеде человек, брезгливо нажимая на педали. Подросток написал на стене крылатое выражение.

Вечернее небо навевало сон.

Он завел будильник и лег спать.

В три часа ночи он проснулся от боли в животе.

«Яблок съедено много,— подумал он тоскливо,— количество перешло в качество».

Он подложил подушку повыше и приготовился к страданиям.

«Мы должны благодарить боль. Она сдирает коросту некоммуникабельности и открывает нам глаза. Как мелки наши житейские радости и огорчения! Мы покупаем стиральные машины, холодильники и прочий тлен.

Вот я записался на «Запорожец». А зачем?

Мы пересчитываем деньги, едим три раза в день и ходим в гости к осточертевшим родственникам. А работа? Изо дня в день одно и то же...»

Он взвыл и закусил губу. Сорок перочинных ножичков резали его живот на сорок частей. Он заворочался, то вытягиваясь струной, то поджимая колени к подбородку. Теперь он еще больше любил себя.

«Это и есть борьба,— шептал он,— я борюсь — следовательно, живу».

Он прислонил воспаленный живот к прохладной стене. Стало легче.

«Когда-нибудь люди поставят памятник страданиям. И на нем будет надпись: «От благодарного человечества». Да, да, именно так. Однажды к нам приходит боль. И мы прозреваем, мы начинаем тоньше чувствовать и глубже понимать. Боль и страдание — это плата за то, что мы становимся мудрее, спокойнее и в конечном счете счастливее»...

«А все-таки жаль,— думал он,— что я не записываю эти мысли. Завтра я уже, наверное, не смогу сказать так красиво и ясно».

Боли усиливались. Он кусал губы и с тоской смотрел на холодную, безмятежную луну, глядевшую в окно с безразличием банщика. На третьем этаже закричал младенец, и мужской голос лениво сказал: «У тебя грудь — тебе и вставать».

Прошло еще два часа. Вдобавок ко всему его начало тошнить. Он зарывался головой в подушку, гладил и щипал живот. Его преследовали груды ненавистных яблок. Он гнал их от себя, но они кружились над ним, как грифы.

Теперь его бесило все. Он выглянул в окно. Город спал.

«Спят! Все спят! Здоровые мужья, здоровые жены, здоровые дети. Им наплевать, что я мучаюсь!»

Ему было очень больно и жалко себя. Он больше не думал об очищающей боли, о памятнике страданиям. Он хотел лишь одного — чтобы все эти мучения прекратились.

Под утро он не выдержал, кое-как добрался до телефона и вызвал «Скорую помощь». Она приехала быстро, но он успел сто раз проклясть медицинскую службу, которая мечтает о его смерти.

Его промыли сверху донизу и снизу доверху и дали две таблетки. Он выпил таблетки и прошептал:

— Доктор, спасите меня.

Доктор взял в руки шприц, сделал укол и, пожелав всего хорошего, уехал.

Он заснул, измученный ужасной ночью, а когда проснулся, солнце уже бродило по комнате на пыльных и теплых ходулях. Он потрогал живот. Все было нормально. Хотелось есть. Он принял душ, поел и в прекрасном настроении отправился на работу.

В вестибюле висели списки желающих приобрести «Запорожец». Его фамилия стояла десятой, хотя у него была восьмая очередь. Он вошел в лифт и нажал кнопку. Кроме него, в лифте поднимались еще три сотрудника. Он испытывал к ним что-то похожее на жалость.

«Что знают они о том великом таинстве, которое заключено в страданиях? Им нужны мебель, ковры, машины. Как они рады, что я не восьмой в списке, а десятый. Им невдомек, что за одну ночь я приобрел столько, сколько им не получить за всю жизнь. Боль дала мне знание истинных ценностей, по сравнению с которыми автомобиль — ничто».

Он посмотрел на попутчиков насмешливо и покровительственно.

«Запорожец» я, естественно, куплю. Именно в автомашине я могу страдать красиво и одиноко... Это же прекрасно: летом, в жару выехать с ночевкой куда-нибудь в сосновый бор к озеру и страдать, страдать, страдать...»

Выйдя из лифта, он отправился в местком, чтобы отстаивать свое восьмое место в очереди на «Запорожец».

г. Новосибирск

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Любишь кататься — люби строить дороги

Как помнит читатель, в № 7 нашего журнала было напечатано сообщение, что редакция Крокодила решила приобрести персональный автомобиль марки Камского автозавода. Однако поскольку КАМаЗ еще строится, чтобы ускорить приятный момент приобретения автомобиля, Крокодил учредил на КАМаЗе корреспондентский пункт, который бы помогал строителям в решении нерешенных вопросов.

Несколько дней в редакции царило радостное оживление в предвкушении обладания собственным автомобилем, пока кто-то не вспомнил о дорогах. Тут воцарилось всеобщее уныние.

— Да, дороги...,— сказал один.

— Эх, дороги...,— добавил другой.

А третий, самый оптимистичный человек в редакции, сказал:

— Хватит вздыхать. Любишь кататься — люби строить дороги. Надо заняться и строительством дорог.

И вот в редакцию пришли:

Монастырский Олег Васильевич, зав. отделом машин для строительства покрытий Всесоюзного научно-исследовательского института «ВНИИстройдормаш», Бутко Иван Григорьевич, начальник главка дорог республиканского и местного значения управления шоссейных дорог «Гусшосдор» Министерства автомобильного транспорта, Мартыненко Виктор Иванович, главный инженер главного управления общегосударственных дорог, Орнатский Николай Петрович, доцент кафедры проектирования дорог Автодорожного института, Некрасов Владимир Константинович, профессор этого же института.

Состоялся интересный откровенный разговор о проблемах, волнующих дорожников. Было высказано много предложений и пожеланий, были споры. Но потом все пришли к единому мнению: поскольку автомобиль пока не на воздушной подушке, ему нужна дорога.

Итак, читайте в нашем журнале материалы на тему «Любишь кататься — люби строить дороги».

Эх, ухнали!

На полях Апшеронского табаководческого совхоза деловито урчала техника. А из конюшни под аккорды лошадиного ржания доносился нестройный хор:

— Распрягайте, хлопцы, коней... Эх, ухнали!

Распрягали по причине острой недостаточности ухналей. Ухнали, доложу вам,— это обыкновенные ковочные гвозди. Конечно же, «Сельхозтехника» считает ниже своего достоинства заниматься подобными мелочами. Однако без них лошадки, что называется, ни «тпру», ни «ну»...

«Сообщите адрес завода ковочных материалов,— просит заместитель директора табакосовхоза. — Оседлаю я горячего коня и лично поскачу за ухналями хоть на край света...».

И действительно, скакать пришлось бы далече. Аж в Кемерово. Но не гони, друг апшеронец, лошадей. Рискуешь опоздать. Производство подков и ухналей здесь выходит на пенсию по причине одряхлевшей техники. Да и обновлять ее как-то неудобно. Ведь основной продукцией этого завода являются не ухнали, а более сложные механизмы.

Правда, и про гужевой транспорт вроде бы не забыли. Три года назад в поселке Ямново, что под городом Горьким, должен был по идее Министерства местной промышленности РСФСР родиться завод по производству исключительно ковочного материала.

Только не спеши и в Ямново, апшеронец. Придется и оттуда поворачивать оглобли. Завод еще и сам не подкован, а его строительство ведется в половину, разрешите заметить, лошадиной силы.

Вот и раздается горестный клич ездовых: «Эх, ухнали!» Ну, а если учесть, что в стране четыре миллиона рабочих лошадей, то этот клич подобен громовому раскату. Только, очевидно, строители туговаты на ухо.

В. КАНАЕВ

ЖАЖДА

Краснобокое солнце только поднималось над крышами, когда бабушка Дарья взяла в свои сухонькие ручонки бидончик и отправилась в очень даже не ближний путь — за водой. Бабушка Дарья осторожно семенила по развороченным рытвинам, шарахаясь от скакавших и рвущихся из колдобин автомашин: улица Строительная вела к кирпичному заводу города Джамбула.

Не прошло и часа, как бабушка добрела до единственной на всю улицу колонки. А улица большая, на ней, по подсчетам Джамбулского горисполкома, свыше трех тысяч жителей.

Очередь громко толковала о чем-то. Бабушка прислушалась. Одна совсем еще молодая женщина, видать, из вновь прибывших, возмущалась:

— Да что же это творится! Где это видано, чтобы на всю улицу одна-единственная колонка! Скажи кому, засмеют. Неужто и написать никому нельзя, чтобы поставили хотя бы еще одну?

— И-и-и, милая, написать...— усмехнулась бабушка.— Да мы уж всей улицей куда только и не писали-то. Уже и два раза в нашей газете «Знамя труда» пропечатывали. А толку-то совсем нет нисколечко.

Движение очереди к колонке почти приостановилось: опять что-то стала барахлить железяка. А солнце уже падало на запад.

Бабушка Дарья повесила бидончик на колонку, приподняла рычаг. Что-то громко хлопнуло в трубе, а потом раздалось шипение. Бабушка нажала сильней. Вода идти не хотела.

Около колонки забуксовала машина. Бабушка подхватила бидончик и засеменила к шоферу.

— Сыночек, водички не нальешь? — просящее застонала она.— Жажда замучила.

— Подставляй, старая,— Шофер открыл краник радиатора, и в бабушкин бидончик полилась теплая вода.

Ю. ПЕРЕСУНЬКО

г. Джамбул.

В ожидании звонка

С некоторых пор изменилось ко мне отношение на работе. Бывало, на всяких торжествах в президиум сажали, грамотами награждали, премии вручали... И вдруг...

— Сдавать, дружок, начали, с дисциплиной у вас не клеится, — сказал начальник. — Опаздываете часто.

На следующий день я встал намного раньше, чтобы прийти еще до начала смены, а там уже все в сборе. Взглянул на часы и ахнул: 12.00...

Злоумышленник был найден: будильник.

В первый же выходной сдал его в часовую мастерскую на Тихвинской ул., № 4. Получил квитанцию.

— Будет готов через две недели.

Наконец наступил долгожданный день. Принес часы домой. Но... стрелки не двигались.

Приемщица встретила меня без малейшего удивления.

— Не идут, говорите? Бывает. Придете через десять дней.

Начались и у меня и у жены новые хлопоты: все свое свободное время звоним в мастерскую. Надоели им эти звонки: выдали будильник. Прислушались— тикает. Завели — звенит. Да только нам он теперь не нужен. Отвыкли.

А. АРХИПОВ

г. Реутов, Московской области.

Скрипят тополя

«За окном грустят тополя...» Это в поэзии. А в житейской прозе все иначе. Вот и у Марии Матвеевны Шушлебиной, проживающей в г. Токмаке по ул. Горького, 87, тополя за окном не грустят, а скрипят. И такие они старые и дряхлые, что не только скрипят, но и роняют на крышу ее дома сучья-бревна. Бревна проламывают крышу, а грохот до смерти пугает жильцов.

Пять лет без толку добивается Мария Матвеевна у местных организаций, чтобы инвалидные деревья хотя бы опилили. И жалобы ее, надо сказать, не остаются без ответа: в сентябре прошлого года пришло из Токмакского горсовета, Киргизской ССР, сообщение что тополя будут спилены в октябре 1971 года, о чем и дано указание комбинату коммунальных предприятий.

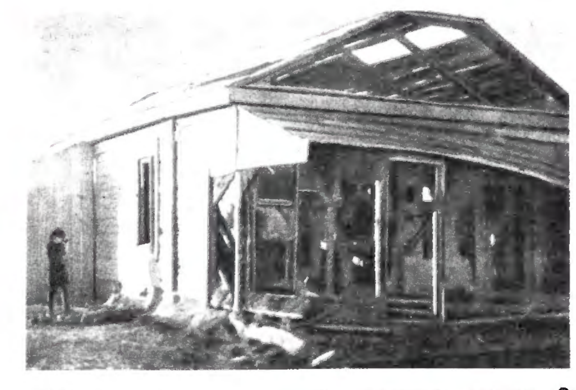
Шли дни, и был за окном то дождь, то снег. Минул октябрь 1971-го, наступил март 1972-го. А тополя по-прежнему скрипят. И по-прежнему грустит за окном Мария Матвеевна. Иногда, правда, когда раздается тяжелый удар по крыше, она вздрагивает, и рука ее вновь тянется к перу и бумаге...

В. МИХАЙЛОВА

Землетрясения не было...

В четыре клеточки кроссворда, если к ним есть определение «культурное учреждение», не задумываясь, вписывают слово «клуб».

Ибо клуб действительно есть учреждение культурное. Только вот помещенное здесь фото требует добавления к предыдущей фразе: «за исключением клуба хутора Молчанова».

Что же его исключило? То не буря, то не ветер, то лишь неосуществленный ремонт.

Хутор Молчанов, Семикаракорского района, Ростовской области.
ИСАКОВА, ЗОЛОТАРЕВ, ДЕМИН и др. (всего десять подписей).

КАК ПЕРЕДОВИК ДОБУДЬКО ПОПАЛ В САНАТОРИЙ

Передовик производства А. Добудько шел по своим делам, когда его остановил председатель завкома и сказал:

— Вот ты бескорыстно трудишься, можно сказать, горишь на производстве, а мы, неблагодарные, никакого внимания в смысле морального и материального поощрения. Хочешь холодильник «Каспий» без очереди?

— Хочу,— не раздумывая, ответил А. Добудько, поскольку кто же это отказывается от холодильника без очереди.

— Тот, кто хорошо работает, должен поощряться,— сказал председатель завкома и удалился, а Добудько побежал в магазин и приобрел в порядке живой безочереди холодильник «Каспий». Горя нетерпением, он тут же воткнул вилку в розетку.

Ему не надо было этого делать. «Каспий» изрыгнул пламя, опалив брови хозяина, затрясся нервной дрожью и страшно загрохотал. Перепуганный А. Добудько побежал в гарантийную мастерскую. Мастер глянул даже не целым глазом, а вполглаза и говорит:

— Надо менять агрегат.
— Так скорее...
— Агрегатов-то нет.
— А когда...
— Никогда.
— А разве Бакинский завод...
— Бакинский завод не разбрасывается своими агрегатами.

Изрекши сию истину, мастер удалился, оставив владельца наедине с его неистовым приобретением, а Добудько сел писать спешное письмо на Бакинский завод бытовых холодильников. Бакинский завод, не привыкший разбрасываться своими агрегатами, промолчал.

Между тем «Каспий» по-прежнему не подпускал к себе хозяина, нервничал, очевидно, скучая по заводу, и А. Добудько вынужден был засесть за второе письмо. Ответом на него было такое же холодное, гордое молчание, как и прежде.

Время шло. «Каспий» все больше и больше скучал по родному заводу. Он все делал назло. То замораживал молоко, то превращал лед в пар, то среди ночи начинал хохотать диким голосом...

И на третье письмо завод не ответил.

...И пришлось передовику А. Добудько лечить нервы в Пятигорске, в санатории «Лесная поляна».

Е. ПАВЛОВ

г. Саратов.

ВИЛЫ В БОК!

ВИЛЫ В БОК!

ВЫГОВОР НА ПЕПЕЛИЩЕ

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

За последнее время дело предсказания надвигающихся событий заметно продвинулось вперед.

Конечно, всякие неорганизованные, частнокустарнические гадания на ладони или кофейной гуще не имеют видимых достижений. Но гадания, поставленные, так сказать, на научную основу, дают весьма ощутимые результаты.

То же бюро прогнозов все с меньшим процентом брака определяет предстоящие снег, дождь или яркое солнце. Можно уже заранее предсказать и возникновение огромной морской волны, именуемой цунами...

Как видите, иное бедствие постепенно перестает быть стихийным. Из стихийного оно превращается вроде бы в плановое, а это уже не так страшно.

Среди прочих могут кое-что предсказать и наши работники пожарной охраны. Они, естественно, пожары не планируют. Однако же недавно работники Госпожнадзора довольно уверенно заявили руководителям совхоза «Чебаково», Тутаевского района, Ярославской области:

— Быть у вас пожару.

— Типун вам на язык!

— А вот увидите...

И действительно, вскоре загорелось в совхозе здание свинарника. Горело долго и внушительно.

Это и понятно, поскольку, к примеру, сторож совхоза Королькова, не выдержав неравной борьбы со сном, оставила без присмотра огнеопасную аппаратуру и отправилась домой вздремнуть. Кроме того, поблизости не оказалось воды, а был лишь вырытый для воды котлован. Имелся, правда, рядышком телефон, но польза от него, что от пустого котлована: телефон давно уже безмолвствовал, и сообщить о пожаре не представлялось никакой возможности.

А узнали о пожаре просто. В соседнем селе вдруг запахло гарью. Дед Анисим, незнакомый с достижениями службы погоды, послюнявил и поднял заскорузлый палец, чтобы определить, откуда дует ветер. Ветер явно дул со стороны совхоза «Чебаково». Повернувшись в ту сторону, заметили далекое зарево...

А если добавить к этому, что в данном совхозе нет пожарного депо и дружины, свинарники в противопожарном отношении не оборудованы, а различные механизмы и приборы эксплуатировались как попало, то станет ясным, откуда у Госпожнадзора был такой дар предвидения, когда он упреждал: «Быть огню».

Да что там устные предостережения! Совхозу трижды письменно предписывалось устранить все недостатки и неполадки. Однажды даже занялись мастерские совхоза, но их спасли. И все же директор совхоза тов. Новожилов терпеливо и стойко дождался большого, главного пожара, уничтожившего совхозного добра на пятьдесят тысяч рублей...

Вы заметили, что у многих из нас какое-то странное отношение к пожару как к таковому? Над членами пожарных дружин мы добродушно посмеиваемся, а по поводу их докучливых предписаний и указаний упражняемся в остроумии.

Между тем, извините уж за банальность, с огнем шутки плохи. Недавно это еще раз в полной мере ощутили труженики колхоза «Путь Ленина», Осинского района, Пермской области.

И здесь пожарные заранее предупреждали о возможной беде. И здесь они пытались своевременно предотвратить ее. По представлению Госпожнадзора исполком райсовета еще в 1970 году своим решением обязал правление колхоза принять самые безотлагательные меры.

Поскольку председатель колхоза тов. Шлеенков в ответ на это решение лишь бодро спел: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим»,— его, несмотря на оптимизм, оштрафовали.

— А что, собственно, случилось? — обиделся председатель.— Пожар, что ли?

— Пожар, пожар! — как раз в этот момент закричали колхозники.

И снова горело долго и внушительно, так как и на этот раз сторож находился дома на печке, а вода блистательно отсутствовала. Впрочем, и телефонной связи, как в «Чебакове», не существовало, и о пожаре в соседнюю деревню сообщил доброволец-марафонец, мчавшийся со скоростью перемешанного с гарью ветра.

В результате телятник сгорел вместе с телятами, причинив убытку на сорок тысяч рублей.

Ну-с, и что же теперь?

Виновники посыпают голову пеплом, а местные власти выносят им простые и даже строгие выговоры, заседая для наглядности прямо на пепелище.

А неугомонные пожарные упорно продолжают заниматься своей профилактической деятельностью.

Недавно, к примеру, они не только предсказали возможность пожаров в иных колхозах и совхозах Тандинского производственного управления сельского хозяйства Тувинской АССР, но и порекомендовали, как их избежать.

А там, вместо того, чтобы внять этим рекомендациям, гадают: сбудутся предсказания или нет?

Н. АЛЬТШУЛЕР

ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ

— Уважаемый, родной наш,
Пал Егорыч!
Что тебе по-дружески сказать!..
В торжествах подобных
есть и горечь —
Семьдесят, увы, не двадцать пять.
Но на трудной должности вахтера
Ты все так же молод и силен.
Уваженье — вот твоя опора,
Теплота, которой окружен.
Будь здоров и счастлив,
Пал Егорыч,
Уважаемый наш славный ветеран!

— Не Егорыч я, простите,
а Григорьич.
И не Павел от рожденья,
а Степан.

Николай ФЕДЮРКО

ПРО ДЕТЕКТИВЫ

Писать их многие ретивы.
А почему! Смешной вопрос:
Великий спрос
на детективы,
А с детектива —
малый спрос.

УМЕЛЕЦ

По виду —
деловит:
Умеет
делать вид.

— Моя дочь за директора клуба? За антихриста замуж?
— Не беспокойтесь, батюшка, он против вас ничего не имеет...

Рисунок Е. ГУРОВА

ЭГОИСТ

Леонид ЛЕНЧ

Рассказ

I

— Эгоист! Боже мой, какой згоист! — Почти ежедневно по утрам я слышу эти слова.

Их произносит, приоткрыв сонные сердитые глаза, моя жена, когда я на цыпочках, тихо, чтобы — упаси бог! — не разбудить ее, выхожу из спальни, намереваясь так же тихо юркнуть в ванную.

Я стараюсь ступать бесшумно и осторожно. Увы: то скрипнет рассохшаяся паркетина, то кресло подставит мне ножку, и я невольно чертыхнусь громким шепотом. Звуковой шлейф тянется за мной от кровати до самой двери.

И вот, готово: моя нервная и чуткая подруга жизни уже проснулась.

— Неужели нельзя тихо встать и уйти! Обязательно ему надо разбудить человека. Эгоист! Боже мой, какой эгоист!

Мне очень хочется ответить ей и сказать, что другая жена встала бы первой, чтобы приготовить своему згоисту, уходящему на работу, завтрак, но ничего этого я ей не говорю, а, бормоча извинения, прихватив свои вещички, выскальзываю из спальни.

Я быстро умываюсь, варю себе кофе, делаю бутерброды. Так! Все! Теперь надо взять свежую рубашку. Хорошо, что шифоньер стоит не в спальне, а во второй комнате нашей квартиры, отданной в распоряжение Чесика (он же Вячеслав), ученика девятого класса,— верзилы выше меня ростом. Иду туда. Чесик спит на боку, улыбаясь во сне,— он занимается во вторую смену, ему можно еще и поспать и поулыбаться. Белокурые модные лохмы (предмет длительной и пока безуспешной для меня нашей междоусобной войны) свисают на его лоб, выставленная наружу щека как бы излучает розоватый парок юного здоровья.

Роюсь в шифоньере — рубахи нет! Все другие — в стирке, ясно, что последнюю чистую и самую любимую мою рубашку взял без спросу поносить Чесик.

— Вячеслав!

— Чего тебе, па? — Глаза у Чесика тоже сердитые и сонные, как у его матери.

— Зачем ты взял без спросу мою рубашку? Теперь мне не в чем идти на работу!

— Подумаешь, беда! Ты же не на банкет идешь в какое-нибудь там посольство, а в свое задрипанное издательство. Надень вчерашнюю! — нахально говорит Чесик и страдальчески зевает.

— Она грязная! — У меня все уже кипит внутри.

Новый зевок.

— Не пижонь, старик! Не такая уж она грязная.

— Не смей называть меня стариком! Я этого не люблю. Сколько раз тебе говорил!

— Па, но ведь ты же все-таки не «мальчик резвый и кудрявый»! — Он думает, что, тонко намекнув на мою лысину (а моя лысина — это мое больное место), он отмочил очень остроумную шутку. О мой деликатный, воспитанный, горячо любимый сын!

— Лохматый болван!

— Хорошенькое дело! — обиженно бормочет Чесик.— Пришел в мою комнату, разбудил и теперь еще ругается! Правильно мама говорит, что ты у нас ужасный эгоист!

И вне всякой логики, без подхода, уже другим, деловым тоном добавляет:

— Па, дай пятерочку, будь человеком, очень нужно!

Я достаю из кошелька трешку и два бумажных рубля, швыряю деньги на его диван-кровать и ухожу на работу в несвежей сорочке.

II

В рабочем кабинете нашего издательства, кроме моего стола, стоит еще один, за ним уже восседает, самокритично рассматривая в зеркальце свой нос и щеки, Любочка, редактор отдела,— миленькое, сдобное, хорошенькое созданьице.

Любочке под тридцать, кое-что в своем деле она понимает, но... неумна! Она понимает даже и это и сама про себя говорит так:

— Я не такая дура, как вы обо мне думаете!

«Не такая», но все-таки...

Я здороваюсь с Любочкой, сажусь за свой стол, достаю рукопись, над которой мне нужно работать.

— Максим Петрович!— Любочка улыбается мне одной из самых своих обольстительных улыбок.— У меня к вам огромная-преогромная просьба. Товарищеская!

— Пожалуйста. Если я смогу...

— Я должна тихонько исчезнуть... часа на три. Важная встреча... Отложить нельзя. Вы меня понимаете, Максим Петрович?

Я киваю головой. Мне все понятно: у Любочки идет очередной роман с очередным претендентом на ее руку, сердце и однокомнатную кооперативную квартиру.

— Максим Петрович, миленький, тут придет мой автор, его фамилия Надейкин, ужасно настырный человек. Вы ему скажите, чтобы он пришел через недельку.

— Хорошо, скажу.

— Но вы ему не просто это скажите, а дайте понять, что его рукопись у нас не пройдет.

— Почему вы так думаете?

— Полистайте рукопись, и вы будете думать так же.

— Мне некогда листать ваши рукописи, Любочка, у меня своя горит!

— Тогда поверьте мне на слово. И вообще... как вы любите все усложнять, Максим Петрович. О таком пустяке я вас попросила, а вы...

Она поднимается и уходит. Ей некогда, ее ждет избранник сердца или очередной лжеизбранник, черт его знает, кто там назначает ей свидание в рабочее время! Но, почему, скажите, я должен брать на себя тяжкий груз объяснений с ее настырным Надейкиным?! Ведь если даже допустить мысль, что Любочка права и рукопись у Надейкина действительно дрянь, все равно, какое право я имею что-то талдычить человеку по поводу его работы, которую не читал?!

Любочка возвращается. Не одна, а со своей ближайшей приятельницей Кирой Иосифовной из соседней с нашей комнаты.

Кира Иосифовна «суха, как палка, черна, как галка». Она носит брючный ансамбль мужского покроя, который ей ужасно не идет — пиджачок и брюки лишь подчеркивают ее унылые, безнадежные плоскости. Подслеповатые посетители частенько обращаются к ней, как к мужчине: «Гражданин, скажите, пожалуйста...»,—чем приводят изысканную Киру в бешенство.

Любочка демонстративно отдает приятельнице папку с рукописью Надейкина. Потом женщины начинают шептаться. Я погружен в свою работу, но тем не менее улавливаю одно слово: «Эгоист». Разумеется, эгоист — это я!

Уходя, уже в дверях, Любочка с ледяной любезностью говорит мне:

— Максим Петрович, я приколю к нашей двери записку для Надейкина, чтобы он вас ничем не беспокоил. С ним поговорит Кира Иосифовна.

Перед концом рабочего дня (Любочка в издательстве больше так и не появляется) ко мне в кабинет шумно врывается Кира Иосифовна — ноздри тонкого, ястребиного носа раздуты от ярости, впалые щеки в красных пятнах.

— Ну, этот ваш Надейкин!.. Хорош!

— Он не мой, он Любочкин!

— Но ко мне-то он попал по вашей милости. Объявил, что будет жаловаться на меня директору. Теперь из-за вашего згоизма я должна писать дурацкие докладные записки, оправдываться. Спасибо, Максим Петрович!

Хлопнула дверью и исчезла. Представляю, как она еще будет (вместе с Любочкой) перемывать мои бедные згоистичные кости.

III

Прихожу домой усталый, вымотанный. Настроение отвратительное Меня угнетает и бесит глупая история Надейкиным, в которую я угодил, как кур во щи.

Хорошо бы сейчас посидеть с женой и Чесиком — выпить горячего чаю, позевать часок перед телевизором. А вдруг возьмут и покажут что-то интересное?!

Не тут-то было!

— Скорей переодевайся! Звонили Сюкины, у Ангелины день рождения. По дороге что-нибудь купим для этой халды.— У моей жены и знакомые и приятельницы все или «халды», или «кикиморы», или «дурехи».

— Ой, мне не хочется никуда ехать. Я очень устал... плохо себя чувствую!

— Начинается! Я тоже себя неважно чувствую, но, однако, еду!

— Знаешь что: поезжай одна. Скажи, что я заболел!

Лучше бы я не говорил этой фразы: жена взрывается, как карнавальная петарда.

— Скажи, есть предел своему зоологическому эгоизму... или он безбрежен, как океан?!

Внезапно мне в голову приходит странная, но, кажется, блестящая мысль! Я эгоист? Хорошо. Сейчас я им стану.

— Да, я згоист! — ору я на жену, внутренне ужасаясь тому, что я делаю.— И хватит играть в прятки. Не надо было вам замуж выходить за згоиста, поискали бы для себя альтруиста. Никуда я не поеду! Хочу сидеть дома и пить чай, а на остальное мне наплевать! И не смейте ко мне приставать со всякими Сюкиными!

Хлопаю дверью так, что все кругом дребезжит, и иду к Чесику. Он сидит за своим столиком и решает шахматную задачу.

— Па, что ты там разбушевался, как Фантомас? — лениво спрашивает Чесик, не отрывая взгляда от шахматной доски.

— Не твоего ума дело!

— Слушай, старик, ты бы пошел к себе, ты мне мешаешь, я не могу сосредоточиться!

— Вон отсюда! — ору я на Чесика.

Он оборачивается, мигает длинными темными ресницами. Его розовая мордашка выражает глубокое изумление.

— Чего ты кричишь? Это же моя комната!

— Комната твоя, а квартира моя. Иди и решай свою идиотскую задачу у мамы... В кухне, в ванной, в туалете — где хочешь! А я хочу побыть здесь. Один!

— Хорошо, я уйду,— бормочет смертельно обиженный Чесик,— пожалуйста! Если ты такой эгоист...

— Вон! — Я бацаю кулаком по столу, шахматные фигуры валятся на пол.

Чесик выбегает из комнаты, даже не собрав их.

Я слышу, как на кухне он жалуется на меня матери. Но по тону их разговора я понимаю, что его жалобы не встречают сочувствия и поддержки. Больше того — до моих ушей доносится звук легкой затрещины. Ого! Кажется, я попал в цель.

В комнату ко мне входит жена и медовым голосом говорит:

— Я приготовила чай, такой, как ты любишь. Будешь с нами пить или сюда подать?

— Сюда! — рявкаю я.

— Тихо, тихо! Сейчас подам!

Жена скрывается за дверью.

Оказывается, хорошо быть грубым зоологическим эгоистом! Правда, мне противно играть эту роль, но ведь надо же хоть изредка, хоть один вечерок отдохнуть человеку. Даже такому эгоисту, как я!

— Люди уже поступать в институт готовятся, а ты все над книжками сидишь!

Рисунок С. СПАССКОГО

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

— Летят! Рисунок А. ГРУНИНА

«Левая» работа.

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок В. ВЛАДОВА

Апрельский тост. Рисунок М. БИТНОГО

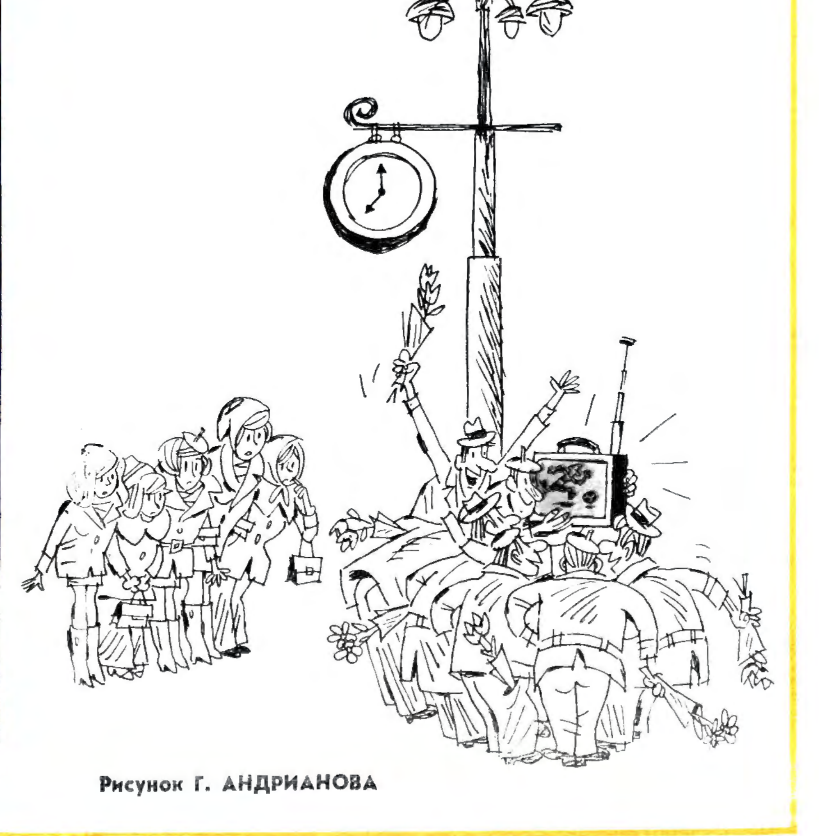

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

«КОРОЧЕ...»

Ленинградский юрист и педагог В. Хочинский говорит очень много. И не удивительно: человек, читающий лекции, не может быть молчаливым.

А вот пишет В. Хочинский очень мало. Иногда по строчке в день и даже меньше. Зато у него что ни строчка, то или афоризм, или шутка, или каламбур. Когда В. Хочинский берется за перо, он руководствуется правилом: «Короче...». Так и называется его книжка юмористических и сатирических миниатюр, вышедшая в ленинградском издательстве «Художник РСФСР». Книжка обильно иллюстрирована рисунками карикатуриста Ф. Нелюбина.

Вот несколько миниатюр из книжки:

КАРЛИК НА ВЫСОКИХ КАБЛУКАХ КАЖЕТСЯ ЕЩЕ МЕНЬШЕ.

СОЛЬ ЗЕМЛИ НЕ БЫВАЕТ МЕЛКОЙ.

ЕСЛИ ТЫ ОТСТАЛ РОВНО НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, ЭТО ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ТЫ СТАЛ НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ МОЛОЖЕ.

«Веселый дуэт» сатириков...— пишет в предисловии Бор. Ефимов,— читается и смотрится с большим удовольствием в этой забавной талантливой книжечке...».

НЕУГОМОННЫЙ ДЖАКО

Ни мамы, ни папы у Джако нет. Есть только дедушка Исидор, дядя Вано и тетушка Сашино, которые заменили ему родителей. Но Джако в трудные минуты своей жизни мысленно разговаривает с матерью, обещая ей всегда, что бы ни случилось, оставаться хорошим человеком.

Юноша Джако — герой комедии Нодара Думбадзе «Не беспокойся, мама!».

Не так давно Джако постоянно прописался в Москве, в Драматическом театре на Малой Бронной. Прописку ему помогли устроить народный артист Грузинской ССР Г. Лордкипанидзе (постановщик), заслуженные художники Грузинской ССР О. Кочикидзе, А. Словинский, Ю. Чикваидзе, композитор, заслуженный деятель искусств Я. Бобохидзе.

Впрочем, появился и еще один Джако. Тоже в Москве, но уже на сцене Центрального театра Советской Армии. Спектакль поставил главный режиссер Ленинградского театра имени Комиссаржевской Р. Агамирзян.

СВОИМИ СИЛАМИ

Карикатура — пожалуй, единственный жанр изобразительного искусства, все представители которого, по сути дела, самоучки. Во всяком случае, нам неизвестно, чтобы в программу какого-либо художественного учебного заведения был включен курс карикатуры.

Тем не менее молодые карикатуристы нашли выход из положения в том, чтобы учиться у опытных мастеров этого жанра, а также друг у друга. С этой целью редакции сатирических журналов время от времени организуют студии для молодых, начинающих художников-сатириков.

На днях в Душанбе состоялся первый выпуск годичной студии карикатуристов при журнале «Хорпуштак». Многие студийцы уже активно начали сотрудничать в этом журнале.

Публикуемый здесь рисунок одного из выпускников студии, А. Гейвандова, мы выбрали потому, что он иллюстрирует отношение иных маститых, «крупноформатных» художников к «несерьезному» жанру карикатуры...

— А я говорю, не будешь ты карикатуристом!

А. МОРАЛЕВИЧ

БУМ ЭСТЕ-ТИЗМА

Были отдельные факты. Совершенно, совершенно отдельные, и не стоило злиться, писать, обобщать. Просто отводили виноватого в сторону, брали за пуговицу и говорили: ты, брат, перегнул палку. Опомнись. Не дури.

Но все чаще приходилось брать людей за пуговицы, и все явственней слышался посторонний запах. Пахло проблемой.

Первым попался репортер Ян Интимник.

— Так,— сказал редактор и взял в руки снимки, привезенные тов. Интимником с целины.— А подпись под снимком тоже вы сочинили: «Три дня не покидал поле знатный механизатор Григорий Стулов. Зерновые убраны им на площади 68 га»? Это вы сочинили? И в какой день вы снимали товарища Стулова — в первый или в третий?

— Ясно, в третий,— обмирая от предчувствий, сказал репортер Интимник.— В героический третий.

— Не похоже,— ледяным голосом сказал редактор.— Вы с этим чемоданчиком ездили в командировку? Откройте его.

И когда чемоданчик открыли, в нем нашли две безопасные бритвы, манишку и галстук.

— Ясно,— сказали Яну.— Одна бритва — твоя, а другой ты брил ударников, надевал им галстук и снимал для газеты на мостике комбайна. Зачем?

— Я думал,— тиская руками лицо, сказал бледный Интимник,— как лучше. Будто культура производства. Передовые методы. А он небритый! Я его не совсем брил. Я ему только бачки подправил! Ребята!

— Ладно,— сказали ребята.— Простим его для первого раза. Он с детства врал маме, а теперь по привычке врет в печати. Он поймет и исправится.

Ян понял. Ян исправился. Но тенденция уже встала на ножки и пошла заражать другие редакции. На страницах печати замелькали сталевары в крахмальных рубашках с твердыми манжетами, разливающие по изложницам сталь. Волной прокатились свинарки, кормящие жадных свиней, в платьях белого невестинского цвета.

Снимки, конечно, всем попались на глаза. Достигли журнала «Печать» (прислал один разъяренный токарь). Что же «Печать»? Стала пороть, казнить, клеймить репортеров за искажение правды. За любовь к украшательству и показухе.

Но увидели те снимки хозяйственники.

— Прелесть! — всплеснули руками хозяйственники.— Просто прелесть.

И на слете хозактива, когда сделали перерыв, один товарищ говорил другому товарищу, вгрызаясь в котлету на бутерброде:

— Техническая эстетика, знаете, творит чудеса. Допустим, в цехе жарко, идут жалобы от рабочих. Тут вы бац — красите цех в белое. И уже никто не жалуется на жару. Цвет — вы даже не представляете, сколько он значит. Белый — холодит, оранжевый — теплит.

— Это вы бросьте. Это вы скажете, мою котлету покрасить в оранжевое, и она тоже будет вроде как теплая?

— Именно! Именно же. Вы не читали? Есть один профессор, Антон Кучинский. Просто кудесник. Правда, пока в опытном порядке. Подсунул грузчикам черные мешки, и они больше одного не носили. А черные потихоньку заменили белыми — так один человек сразу по два мешка волочил. Эти, мол, куда легче.

— Шутите!

— Какие тут шутки. Снимут вас за косность с работы, тогда будут шутки.

— Значит, вы говорите, белый цвет?

— Белый, белый. Проверенные люди сказали. Любой план вытягивали.

А план выполнять хочется всем. И как-нибудь так, без гигантских усилий. А читать всего Кучинского утомительно. И некогда. И незачем. Потому что теперь известно главное: цвет — белый. Остальное приложится: а — план, б — премии.

Смутные слухи о чудесах цвета достигли разных концов страны. Спасение было лишь в том, что страна велика для одного отдельного слуха, и не везде наломали дров. Но города Хавлово слух все же коснулся. И одна директивная дама приказала ткацкой фабрике: всем ткачихам надеть белые фартуки.

— Как же мы наденем? — растерялись ткачихи.— Мы не наденем. Полтораста лет стоит фабрика, всегда фартук у ткача был синий. Для нас, для ткачей, в белом марко.

Но мастера, получив инструктаж на пятиминутках, уже давали отпор.

— Ты стыдись, Беспашнова,— говорили мастера.— Это из тебя консерватизм выпячивается. Белое — оно культура, а ты что? Камень ты на столбовой дороге культуры!

И зря клялась товарищ Беспашнова, что она не камень, а как раз горой за техническую эстетику. Ей и всем остальным не верили, заставляли быть белоснежными возле марких машин. А стирать спецодежду за свой счет фабрика наотрез не хотела. Так что по вечерам, когда времени у многодетной матери и без того мало, многодетная мать кипятила к утру прозодежду и долго терла ее порошком «Антарктида», помеченным надписью «Употребляйте с доверием».

Такая обидная складывалась ситуация. Антон Кучинский, надо заметить, давал по технической эстетике правильные советы. Но кто-то не дочитал до конца, не вник. Кто-то не так все понял. Поэтому где-то вся культура производства свелась к пыльной герани возле станка. И командуй наш Кто-то водолазами, он опускал бы их на дно в теннисных костюмчиках (носовой платок брать обязательно).

Тем временем на фабрике в городе Хавлово зрели события. Белый фартук изматывал ткачих. Некоторые прикрывали его сверху косынкой от плаща «болонья». Носили также два фартука: синий — поверху, белый — внизу. Если идет администрация — синий можно мигом сорвать. Словом, не столько работали, сколько оглядывались: не идет ли начальство?

И начальство сжалилось, вошло в положение.

— Ладно,— сказали работницам.— Вечерние, ночные смены пусть носят опять синее. Но дневная смена — белое, и без никаких.

А то как же днем — да без белого? Вдруг нагрянет делегация по обмену опытом. Или репортер. Они днем ходят. Так пусть видят!

Такая была проявлена мудрость. Но консервативные, несознательные ткачихи испортили все дело. Ругали белое. Грубили начальству. Дальше так продолжаться не могло. И в этот критический момент вспомнили про новые веяния.

— Ну, подождите,— обратилась докладчица к узкому совещанию.— Ну, как это...

— «Идя навстречу!» — подсказали начальники цехов.— Долой голое администрирование. Советоваться с массами!

— Точно, точно. Следуя воле большинства. Товарищ Дурново, вы у нас по труду и зарплате. Теперь кругом социология, анкеты, опросы. Проведите анкету насчет спецодежды, кто «за», кто «против».

Тут же в цехи спустили анкету:

«Дорогой товарищ!

Любите ли Вы свой труд и в чем его красота? Что мешает Вам в работе? Что сделать в цехе по эстетике и культуре производства?»

Все было на месте, все в порядке, и «Вы» написано с большой буквы. И вполне задушевный текст.

Но ответы на вопросы шокировали, прямо рассердили администрацию. Страшно одинаковые, лобовые были ответы:

1. Фабрике нужны белые фартуки? Пусть их стирает сама.

2. Можно выглядеть опрятно и в синем.

3. Для культуры производства ввести еще бальные перчатки (см. «Войну и мир», сцена бала, режиссура Бондарчука).

Вот в таком духе ответили ткачихи на анкету. И ждали отмены маркой вещицы. Иначе зачем же опрос?

А все осталось, как было. Чистоплюйство взяло верх над чистотой. Эстетство — над эстетикой. Вдруг появился стыд за «некрасивые» трудовые процессы и зверское желание облагородить их. Поднять на уровень дипломатических приемов и балетов на льду. И в свете этих задач на отдельных свинофермах установили одеколонные опрыскиватели.

— Зачем они у вас? — вникали заезжие люди.

— А прыскаться! — торжественно говорили хозяйственники.— Допустим, лежит это... гуано. Свинарка вывозит эту фекалию, а как домой идти — пшш! — готово. Навозный дух отшибает. Эстетика.

— А душ у вас есть? Просто душ?

А просто душа не было. Была лишь попытка втереть очки. Скрыть за одеколонным дутьем свое нежелание кропотливо улучшать условия труда рабочих. И боязнь, салонная пугливость правды труда, не всегда белой и ароматной.

Но от этого никуда не деться. И на Павелецком вокзале в Москве, где поезда идут каждые пять минут, где толпа такая, что хочется плакать, вы увидите всякий день мужчину. Он был бы вальяжней во фраке, но на нем телогрейка. Ему бы к лицу штиблеты «Кларк», но он водит электрокар, и на железе теплее стоять в сапогах. И когда он с прицепом из трех тележек ведет сквозь толпу тяжелый кар, а вещи лежат горой, он не пользуется лексиконом дипломатов. Может, пользуется дома, вне службы, и носит штиблеты «Кларк» и приталенное пальто. Но на службе он просто кричит:

— Рву пальто, костюмы мажу!

То есть самые уместные слова. Иные не помогут. И поэтому пальто людей на перроне остаются в целости: люди оборачиваются на живое слово живее, чем на любое «пардон», люди уступают дорогу, и вещи доставлены к поезду в срок. И поезд ушел по расписанию. И всем хорошо.

Кончим крошечной философией: что есть жизнь и труд человека?

Жизнь и труд человека, товарищи,— это борьба за право быть осью. Это борьба за подчинение человеку событий и обстоятельств. И когда обстоятельства вращаются вокруг человека, а не человек вокруг них,— тогда хорошо. Тогда жизнь — это жизнь.

Потому-то все должно вращаться вокруг человека: забота, министерства и, возможно, Земля.

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩИХ МИРОТВОРЦЕВ

Н. МОНАХОВ

Я хочу рассказать вам о двух американцах, весьма миролюбивых джентльменах. Настолько миролюбивых, что хотя они живут в Вашингтоне, у них от дыма вьетнамской войны частенько слезятся глаза. Эти глаза, полные как слез, так и скорби, неоднократно видела вся смотрящая телепередачи Америка.

Оба джентльмена столь же миролюбивы, сколь и практичны. Они не тратят времени на шествия по улицам с гневными плакатами в руках, не шлют в Белый дом суровые петиции, которые там все равно никто не читает. Оба джентльмена подходят к вопросу о прекращении осточертевшей войны с чисто американской деловитостью. И если над вьетнамскими пожарищами не запорхал еще белый голубок с оливковой ветвью мира в клювике, то наши миротворцы тут не виноваты. Они сделали все, что могли, и даже более.

Стоит ли удивляться, что даже сами эти миротворцы все чаще испытывают состояние близкое к отчаянию? В один из таких горестных моментов нам и довелось быть свидетелями их, естественно, не искрящейся весельем беседы.

— Только что прочел пресс-бюллетень,— сказал первый джентльмен.— Просто сердце обливается кровью, когда читаешь, как нас повсеместно клянут за бомбардировки в Индокитае.

— Это ужасно,— согласился второй джентльмен, поднося к глазам платочек.— Люди не понимают, что мы бомбардируем во имя мира. Казалось бы, так просто...

— За наше миролюбие — такая черная неблагодарность,— сказал первый джентльмен, тоже поднося к глазам платочек.— Вспомните, Билл, с какой только стороны мы не заходили, чтобы погасить военный пожар в Индокитае.

— С самых разных, патрон. Заходили со стороны демилитаризованной зоны, с моря и с суши, даже со стороны Лаоса и Камбоджи.

— Знаете, Билл, о чем я подумал? Мы ведь не сами гасили, а давали указания генералам. Я прихожу к выводу, что борьба за мир — это слишком серьезное дело, чтобы поручать его только генералам. Чем, черт возьми, занимаются наши дипломаты?

— Известно чем, патрон. Гасят вьетнамский пожар в Париже со стороны авеню Клебер. Водопадом слов, разумеется.

— О боже! Генералы беспомощны, дипломаты — болтуны! Ну, придумали бы какой-нибудь дипломатический фокус, какую-то уловку, чтобы даже самые отъявленные скептики уверовали в наше миролюбие. Возьмите, Билл, с полки любой том «Истории дипломатии», я сам поищу подходящий трючок. Вот, пожалуйста! Английский дипломат XVI века сэр Генри Уоттон, светлая голова, говорил: «Посол — это муж добрый, отправленный на чужбину, дабы лгать там на пользу своей страны». А Бисмарк, еще более светлая голова, сказал: «Самим провидением мне суждено быть дипломатом, ведь я даже родился первого апреля». Билл, как там у наших на авеню Клебер по части вранья?

— Ах, патрон, неужели вы не знаете, что любой из них, прими он участие в ежегодном конкурсе лжецов, проходящем в городе Сан-Мартьяне, получил бы первый приз! Только этому не бывать, ибо в правилах конкурса записано, что лжецы-профессионалы к участию в конкурсе не допускаются. В этом конкурсе строгие правила. Но, увы, на парижских переговорах ложь зарекомендовала себя, как малоэффективный метод дипломатии. О шеф! В этом томе я, кажется, нашел то, что нам нужно. Слушайте! Наполеон I вел переговоры с Австрией. Взбешенный упрямством австрийского дипломата Кобенцля, он грохнул об пол драгоценный фарфоровый сервиз, подаренный австрийцу Екатериной II. Испуганный владелец бывшего сервиза дрожащей рукой схватил гусиное перо и тут же подписал такой мир, какого хотел Наполеон.

— Интересно! Покажите мне это место. Ах, Билл! Не в сервизе же дело. Мы грохаем о вьетнамскую землю не фарфоровые безделушки, а двухтонные фугасные бомбы, и тем не менее никто не верит, что мы стремимся к миру. Главное не в расколошмаченном сервизе, а в том, что Наполеон при этом сказал владельцу сервиза: «Не забывайте, что вы ведете со мной переговоры, будучи окружены моими гвардейцами!» Увы, я не могу приказать нашим славным джи-ай окружить это... как бишь его, авеню Клебер.

— Патрон, а что, если?..

— Да, Билл, вам пришло в голову что-то талейрановское?

— Талейрановское?.. Талейран... А, это тот плут, который, как говорили о нем современники, продавал тех, кто его покупал. Нет, патрон, мы с вами не можем, вернее, не должны стать талейранами. Ведь если мы продадим тех, кто нас купил,— «Дюпон де немур», «Дженерал дайнемикс», «Локхид» и прочих благодетелей из военно-промышленного комплекса,— мир наверняка наступит. Но это будет нехороший мир, нужный только коммунистам, а не тот лучезарный мир, контуры которого наш Белый дом очертил в знаменитых «восьми пунктах».

— Дайте-ка мне сюда этот талмуд дипломатических комиксов. Так... Не то, не подходит, было и у нас, тоже было... О! Билл, вот в этом что-то есть! Дипломаты предводителя гуннов Аттилы заявили посольству византийского царя Феодосия II, что будут вести переговоры, не сходя с коней.

— Вы хотите, чтобы наш посол на авеню Клебер мистер Портер въехал в зал переговоров на ковбойском мустанге с двумя кольтами за поясом? Сайгонцев в крайнем случае можно посадить на пони и дать каждому по маузеру.

— Берите выше, Билл! Оставим кольты и лошадей голливудским режиссерам. Мы поднимем дипломатический метод Аттилы на недосягаемую высоту! Будем вести переговоры, не сходя с бомбардировщиков. Понятно, не в небе авеню Клебер, а в небе Вьетнама.

— Бомбардировщики будут с бомбами?

— Разумеется, не гонять же машины порожняком.

— Но что же в этой чисто военной акции будет нового, дипломатического?

— Наземный пропагандистский аккомпанемент. В заявлении для печати мы сообщим, ну, вы сформулируйте в том духе, что бомбардировки осуществляются не по военным соображениям, а по дипломатическим, чтобы склонить северовьетнамцев к миру. А закончите буквально так: «Если бы мы преследовали действительно военные цели, мы бы подождали ясной погоды, тогда как слепые бомбежки по невидимым целям самым убедительным образом свидетельствуют о наших неустанных поисках мира».

— А если критиканы и маловеры скажут, что это не дипломатия, а примитивный воздушный разбой?

— Немедленно сошлитесь на исторический прецедент — на переговоры Аттилы с Феодосием, так красочно описанные в «Истории дипломатии».

— О'кей, патрон.

И удивительное разъяснение о слепых «дипломатических» бомбежках было действительно опубликовано в американской печати. Пока профессионалы на авеню Клебер отдыхают, дипломаты-любители из числа пилотов американских ВВС, не сходя с бомбардировщиков, ведут в небе Вьетнама мирные переговоры с населением, находящимся на земле.

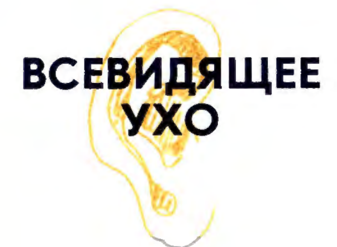

ДЕЛО, ЗА КОТОРЫМ ОНИ «СМОТРЯТ В ОБА»

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Специальные полицейские службы США устанавливают подслушивающие устройства на квартирах и в учреждениях.

ВСЕВИДЯЩЕЕ УХО

Подслушал и подсмотрел А. СЕМЕНОВ

— Вот мы и пришли! Мне нужно сказать тебе кое-что по секрету.

— Дети! За ягодами мы сегодня не пойдем, но вы можете дома пособирать микрофончики...

— Вы мне не напомните, во сколько я сегодня договорился встретиться с Мэри?

НУ И ЦЕНЫ!

В Англии побит рекорд стоимости футболистов при переходе из одного спортивного клуба в другой. Самой высокой ценой, которую знала Англия, была сумма в двести тысяч фунтов стерлингов. За футболиста Мура клуб получил недавно четверть миллиона.

(Из газет.)

Владельцу лавчонки устроила сцену
Хозяйка: — За что ни возьмись,
На все, что ни день, поднимаются цены:
На мясо, на масло, на рис!
— Меня упрекаете, миссис, напрасно.
Инфляция. Я ни при чем.
Вот вы говорите про мясо, про масло,
А форварды нынче почем!

Б. Ю.

М. ЕМЦЕВ

Сообщение из Афин: «Генеральная дирекция национальной безопасности греческой хунты опубликовала список запрещенных «коммунистических» авторов. Возглавляет список А. П. Чехов».

Здесь есть над чем поразмыслить. И вообразить. Все же небезынтересно, как было принято такое гениальное решение. Возможно, случилось это ранним утром. Солнце уже стояло довольно высоко, когда полковник Мурлозади сел за свой рабочий стол.

— Достаньте папку с очередными делами, сержант,— повелел полковник,— да включите эр-кондишн. Сегодня с утра что-то парит. Читайте, кто там из писателей идет по списку.

— Чехов А. П.

— Немец?

— Русский.

— Коммунист?

— Нельзя сказать точно, но думаю, что да. Они все там коммунисты.

— Выключите эр-кондишн, сержант. Вроде бы сквозняком потянуло.

Полковник вышел из-за стола и засеменил по ворсистому ковру.

— И что же этот Чехов написал?

— Много, господин полковник. Рассказы, повести, фельетоны, пьесы.

— Ах, да-да. Я кое-что помню. Видел спектакль. Три очаровательные герлз. Интимный особняк... Но, черт побери, они же там рвались в Москву, кажется?

— Так точно, господин полковник. Пьеса «Три сестры». Основное желание героинь — попасть в Москву.

— Ага, вот видите, сержант. Эти девицы были не такими простушками, как мне показалось с первого взгляда. Стремление героинь попасть в коммунистическую столицу свидетельствует об однозначной ориентации автора пьесы. Да он коммунист, этот Чехов! Что там еще у него?

— Бездна пьес и рассказов, господин полковник.

— Например? Прочтите по выбору. Да включите эр-кондишн. Душно стало.

— Вот пьеса «Свадьба». По словам персонажа Дымбы, в Греции все есть.

— Как так — все?

— Все, господин полковник. И омары. И львы. И... одним словом, все.

— То есть и тюрьмы, и концлагеря, и застенки, и пытки? Так, что ли, сержант?

— Похоже, что так, господин полковник. Другого мнения здесь быть не может.

— Да он коварный пропагандист, этот Чехов! Вы не находите, сержант? Выключите, пожалуйста, эр-кондишн. Зябко, что-то. Еще что-нибудь есть?

— Рассказ «Унтер Пришибеев». Высмеивается военный чин в лице отставного унтера, который пытался навести порядки в своей деревне.

— Понятно,— сказал полковник Мурлозади, усаживаясь в кресло.— Как вы находите эту работу писателя Чехова, сержант?

— Затрудняюсь, господин полковник...

— Нечего затрудняться, сержант. Этот рассказ является прямым выпадом в адрес ныне существующего в Греции демократического общественного строя.

— ?!?

— Да, да, сержант, не делайте больших глаз. Просто этот вероломный коммунистический писатель избрал наиболее распространенный литературный прием. Он воспользовался методом преступного намека, вы меня поняли, сержант? Рисуя образ Пришибеева, он хотел посмеяться над нами. Над всеми теми, кто волей армии и НАТО представляет сейчас лучшие силы нашей страны. Но ему это не удастся. На пути коммуниста Чехова встанет полковник Мурлозади. Все ясно, сержант, включайте эр-кондишн и ставьте А. П. Чехова первым в списке коммунистических авторов...

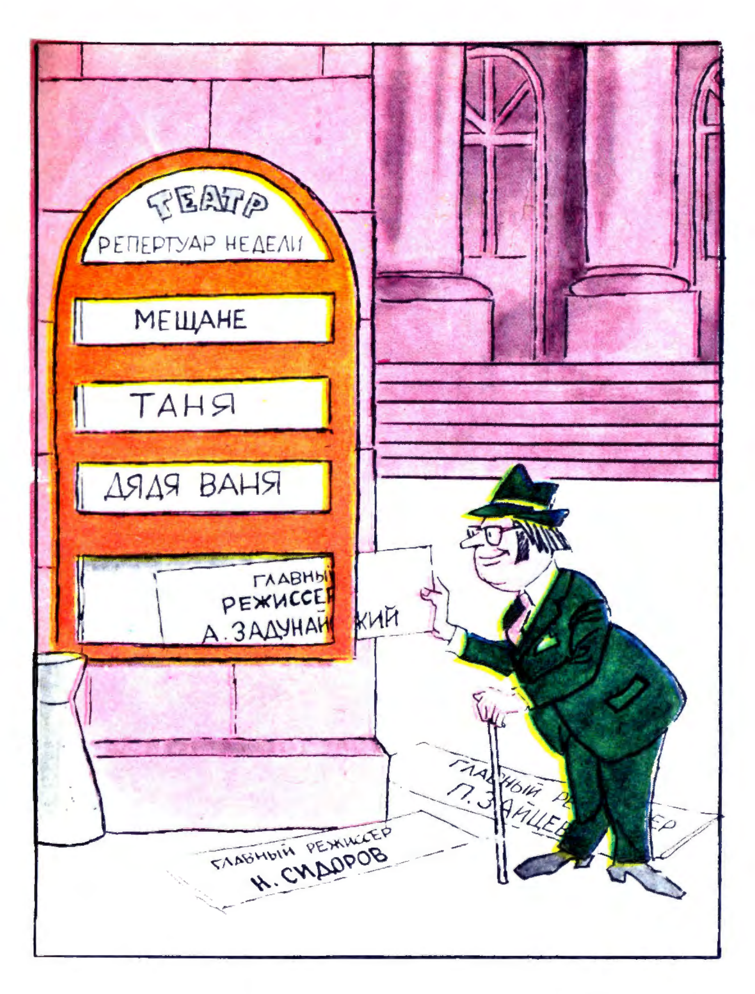

Рисунок Бориса ЛЕО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

в понедельник
Загз отдыхает

Прислал Б. Маянский, г. Новокузнецк.

«Хряк сдох, потому что хрячник перепил».

(Из акта.)

Прислал А. Петров, Ростовская область.

«Актриса и в этой роли широко использует свое умение произносить красноречивые, но безмолвные реплики».

«Калининская правда».

«Бюро информации по трудоустройству населения приглашает на работу в Ошский отдел института «Киргизпромпроект» инженера-строителя на должность главного конструктора инженеров строителей».

Газета «Ленинский путь», г. Ош.

«Дефекты, имеющиеся в сварных швах, устранены путем вырубки дефектов и наложения новых».

(Из акта.)

Копию снял Н. Каховский, г. Никополь.

«Она ходит по различным отделам обувного магазина, не смотря на размеры обуви...»

(Из рапорта.)

«...Я больной человек и судиться за мелочь стоимостью 100—200 руб. не намерен».

(Из заявления.)

«За попытку совершения кражи задержан гр. Жулик».

(Из протокола.)

Собрал А. Емельянов, г. Ленинград.

«Я докладывала, что за переездом выше к перегону проехал на коне запряженный в сани мужчина».

(Из докладной.)

Копию снял И. Леукин, г. Тайга.

ФАБРИКА
ПЛАСТМАССОВОЙ ФУРНИТУРЫ
г. Черновцы, ул. Красноармейская, 54,
телефоны: 2-62-07, 2-73-60

Пуговицы рогокопытные
Пластмассовые

Прислал Н. Заболотный, Краснодарский край.

Н. ЧЕРЕПАНОВА

Я назову тебя...

Пародия

Я назову тебя
зоренькой,
Только ты раньше
вставай,
Я назову тебя
солнышком,
Только везде успевай.

(Из песни.)

Скоро с тобою поженимся,
Я хоть сегодня готов.
Много придумал заранее
Нежных и ласковых слов.

Я назову тебя зоренькой,
Только ты раньше вставай,
Я назову тебя роботом,
Только везде успевай.

Стирка, уборка и прочее —
В доме найдутся дела.
Ты — у плиты, моя Золушка,
Я — забиваю козла.

Бьемся до позднего вечера,
Страсти кипят через край.
Я назову тебя козочкой,
Только ты нам не мешай.

Может, родится ребеночек —
Радость великая нам! —
Я назову тебя звездочкой,
Только не спи по ночам.

Я назову тебя женушкой,
Только ни в чем не перечь.
Буду я счастье семейное
Вместе с тобою беречь.

Критик-крушитель.

Рисунок А. КРЫЛОВА

НА НЕТ...

Клиент попался нетерпеливый, ну, ему и пошли навстречу.

— Ладно,— сказали.— Приходите за вашим костюмом не через три недельки, а прямо через одну. Что-нибудь придумаем.

Придумывать-то, правда, ничего особенного не следовало. Клиент Михайловский пожелал почистить свой костюм и перекрасить его в синий цвет. Рядовой, в общем-то, заказ для приемного пункта № 18 города Донецка.

Но (еще разок напомним) клиент Михайловский терпением легкомысленно не запасся. Через недельку ничего новенького с костюмом не произошло, и тогда он пришел еще через недельку.

— Нету, — сказали, — костюма. Рано.

А он еще через недельку. Ему опять:

— Нету,— говсрят.— Синей краски нету.

— А если черной? — спрашивает Михайловский.

— Через недельку, — отвечают. Опять попосещал клиент Михайловский приемный пункт. Через недельку — ничего, через другую — и вовсе.

— Нету,— говорят,— вашего костюма. В красильном цехе еще.

И тут клиент Михайловский высказал несколько разных слов в адрес красильного цеха и пожелал забрать костюм обратно.

— Нету, — привычно сказали ему.— Нету у нас адреса красильного цеха. Посидите часок, может, приедет оттуда шофер-экспедитор. Может, он даже с собой вас захватит.

Через часок-другой действительно приехал шофер-экспедитор и быстро возмутился.

— У меня вещи, — говорит,— в фургоне всякие ценные, а мне еще туда всяких незнакомых мужчин будут пихать!

Только клиент Михайловский собрался переспорить шофера, как вдруг видит: из щели фургона половинка очень знакомого рукава на улицу выглядывает.

— Ага! — радостно уличил он сотрудников приемного пункта.— Вот он, мой костюмчик! Вот он, мой некрашеный!

— Гражданин, — сказали сотрудники. — Отцепитесь от машины и не врите! Как вы можете знать, что это ваш костюм, когда полрукава всего и видно? Да еще плюс к тому он весь грязью позабрызгался.

А Михайловский не сдается. Повис на рукаве и «с места,— говорит,— не сойду».

Ну, покладистые сотрудники видят, что человек очень уж опасно взвинтился, и «ладно,— говорят,— взгляните сами и убедитесь». И открывают фургон. И достают костюм. И номер заказа сверяют.

И костюм оказывается его, клиента Михайловского, костюмом.

И в кармане костюма оказывается записка из красильного цеха: «Ввиду неналичия краски возвращаем костюм обратно».

— Тоже верно,— говорят тогда сотрудники.— На нет и суда нет. Получите, гражданин, ваш костюмчик и распишитесь в его получении.

Е. М.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«БУМЕРАНГ»

Заместитель начальника управления производственно-технологической комплектации треста «Каховсельстрой» В. Чебукин, виновный в нарушении правил реализации фондовых материалов, пытался скомпрометировать людей, которые ему мешали, в том числе и. о. начальника УПТК А. Погосова. О том, как он это делал, рассказывал фельетон Я. Полищука «Бумеранг» («Крокодил» № 24 за 1971 год).

Как сообщил управляющий трестом «Каховсельстрой» тов. Б. Синько, зам. начальника УПТК В. Чебукин освобожден от занимаемой должности, с него взыскана стоимость стройматериалов, использованных им в личных целях. Главный бухгалтер И. Антонов, не обеспечивший должного контроля за расходованием фондовых материалов, с работы снят.

«НИЧЕГО СТРАШНОГО»

В заметке под таким названием («Крокодил» № 3) говорилось о том, что в Омской железнодорожной поликлинике общественные мероприятия проводятся в рабочее время и больные вынуждены сидеть у кабинетов и ждать, когда освободятся врачи.

Главный врач Омской узловой больницы тов. Кириенко, секретарь парторганизации тов. Гринберг и председатель месткома тов. Молчанова сообщили редакции, что такой практике положен конец.

«КАПРИЗЫ АВТОСЕРВИСА»

На Похвистневской автозаправочной станции были свои порядки: машины заправлялись бензином только по талонам, купленным в сельмаге. А масло отпускалось лишь тем, кто живет в Куйбышевской области. Даже талоны тут не помогали. Об этих порядках, заведенных директором Подбельской нефтебазы Куйбышевской области А. Пановым, рассказывалось в заметке «Капризы автосервиса» («Крокодил» № 2).

Как сообщил заместитель начальника управления «Главнефтеснаб» тов. Н. Лежнев, заметка обсуждалась на собрании работников похвистневской АЗС. Заправщики проинструктированы о порядке обслуживания. Теперь талоны на бензин продаются на заправочной станции. Моторное масло отпускается за наличный расчет независимо от местожительства покупателя.

«ВЕНИК НАДЕЖНЕЕ»

Радовался Н. Шалопаев, приобретая в Мигнинском сельмаге приглянувшийся ему пылесос «Уралец».

Но после первой же пробы обнаружилось, что пылесос и не думает выполнять свои обязанности. Бросился владелец обратно в магазин (а это не близкий свет — сто с лишним километров!) и попросил поменять пылесос. Покупателю посоветовали обратиться в мастерскую, а в мастерской посоветовали обратиться на завод. Там продержали пылесос два месяца и прислали обратно. Но работать он не хотел. И решил покупатель, что веник, пожалуй, надежнее. Так и называлась заметка — «Веник надежнее» («Крокодил» № 3), в которой рассказывалось о мытарствах Н. Шалопаева.

Как сообщил директор завода «Южуралэлектромотор» тов. В. Смиренский, факт недобросовестного ремонта пылесоса обсуждался на цеховом собрании завода. Виновные строго наказаны. Приняты меры по повышению качества гарантийного ремонта пылесосов.

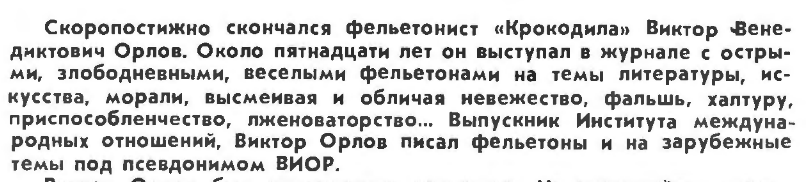
«ПЕРЕЩЕГОЛЯЛИ»

В № 32 журнала за прошлый год было опубликовано письмо из редакции мучкапской районной газеты «Заветы Ленина» о том, что межколхозная строительная организация, начав в 1967 году строительство нового помещения редакции и типографии, до сих пор его не закончила.

Как пишет нам редактор газеты «Заветы Ленина» тов. М. Уткин, после опубликования письма на стройке появились рабочие, были завезены стройматериалы.

На выступление Крокодила также откликнулся заместитель председателя Тамбовского горисполкома тов. В. Муравьев. Он сообщил, что приняты меры к окончательной отделке помещения редакции и типографии.

ПАМЯТИ САТИРИКА

Скоропостижно скончался фельетонист «Крокодила» Виктор Венедиктович Орлов. Около пятнадцати лет он выступал в журнале с острыми, злободневными, веселыми фельетонами на темы литературы, искусства, морали, высмеивая и обличая невежество, фальшь, халтуру, приспособленчество, лженоваторство... Выпускник Института международных отношений, Виктор Орлов писал фельетоны и на зарубежные темы под псевдонимом ВИОР.

Виктор Орлов был многогранно талантлив. На протяжении многих лет вел он в газете «Советская культура» отдел «Субботние улыбки»— проникновенный разговор с читателями на самые различные темы. Читатели «Известий», «Комсомольской правды», «Литературной газеты» знали его как квалифицированного и ироничного кинокритика, любители музыки — как автора текстов песен, артисты оперетты, эстрады и цирка — как сочинителя сценок и реприз...

Мы потеряли одаренного журналиста, большой души человека, доброго друга.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Неграмотный крестьянин пришел к деревенскому мулле, чтобы тот написал письмо его брату. Крестьянин продиктовал письмо, а в конце что было сил закричал:

— Пиши! Передаю привет моему дяде!

Мулла удивленно спросил:

— Ты что кричишь?

Крестьянин невозмутимо ответил:

— Увы, мой дядя немного туговат на ухо.

Слободан НОВАКОВИЧ (Югославия)

ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

Жила-была коза с семью малолетними детками — все одни козочки. Старшие уже начали краситься, а самая младшая, белая козочка, любила примерять мамины туфельки на высоком каблуке.

Однажды позвала их коза и сказала:

— Дорогие мои детки, сегодня вечером я хотела бы прогуляться в лесу — вы же знаете, как редко я это делаю. Вы останетесь одни — остерегайтесь злого волка. Вы узнаете его по грубому голосу и черным лапам...

— Дорогая мамочка, — запищали козочки, — мы будем остерегаться. Можешь спокойно идти.

Довольная, коза ушла, а козлята сели у окошка.

— Где же этот волк? Где же этот волк?— то и дело блеяли они. Им очень хотелось приключений.

И вот наконец они заметили волка.

Это был матерый, то есть, точнее, пожилой волк, с большим жизненным опытом и с портфелем под мышкой. Он бежал в лес.

Козочки радостно заблеяли:

— Это ты и есть тот страшный волк?

Волк устало отмахнулся.

— Ах, был им когда-то!

Голос у него был отнюдь не грубый, напротив, даже бархатный. Да и лапы не такие уж черные...

— Неужели нас может съесть этот милый старик? — заблеяла младшая, белая, козочка.

Волк почуял неладное и решил, пока не поздно, убраться подобру-поздорову.

— Отпустите меня, детки,— взмолился он.— И что сказала бы ваша бедная мамочка, если бы увидела, что вы болтаете со страшным волком?

— Ой, что вы, наша мамочка в лесу, а ведь нам тоже хочется позабавиться! — игриво ответила белая козочка.

— Простите, я тороплюсь,— захныкал волк.

Но шалуньи окружили волка и затащили его в дом.

Волк нырнул было под кровать, но козлята с веселым визгом вытащили его оттуда. Бедный волк прыгал и под стол, и в печь, и в шкаф, но от проказниц нигде не было спасения!

Утром коза вернулась, и страшная картина предстала перед ее взором! Двери открыты настежь, стол и стулья опрокинуты, подушки разбросаны...

Бедная коза бросилась искать деток, но все было напрасно. Она со слезами называла их по именам, но никто не отзывался. Наконец, из-под шкафа послышался жалобный и слабый голос волка:

— Добрая госпожа, неужели и вправду все ваши детки пропали?

Коза наставила на него рога.

— Берегись, если ты сожрал их!

А волк с трудом выполз из-под шкафа и, покачивая головой, поплелся прочь.

В этот момент из леса, веселые и шумные, выбежали козочки.

— Мы с ним рассчитались, мамочка! — в восторге блеяла белая козочка, подскакивая на высоких каблуках.

Коза онемела от удивления.

— Эх, ты, мамочка, да он совсем не страшный, этот волк! — хохотали козочки.

— Ох, детки, детки! — вздохнула коза.— Вот когда я была козочкой, это был действительно страшный волк. Что делать, времена меняются...

— Книги — мои лучшие друзья!

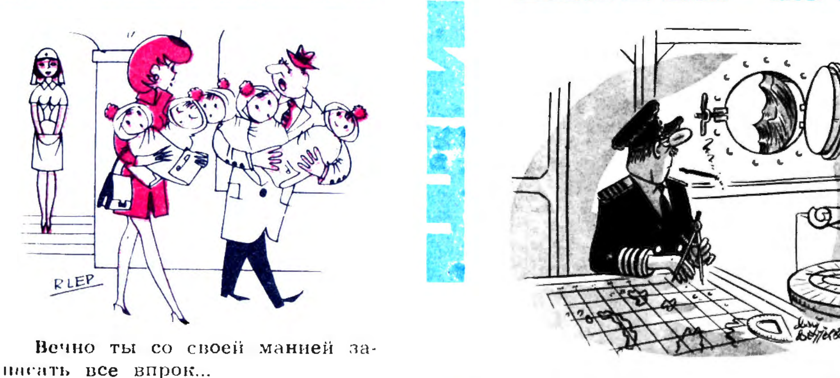
— А почему они у вас все неразрезанные?

— Как я могу поднять нож на своих друзей?

●

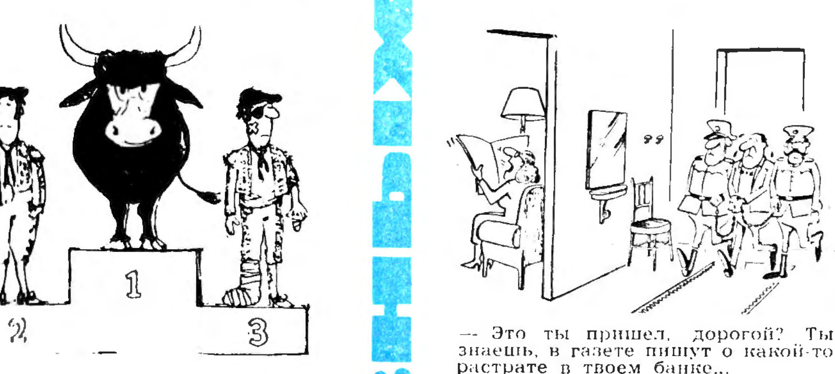
— Обвиняемый, вы назвали свою соседку коровой, так?

— Нет, господин судья, я только сказал ее дочери, что она телка.

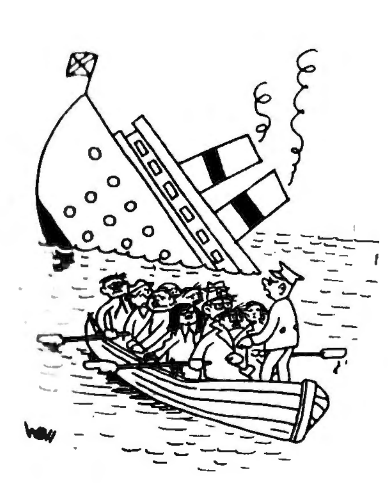

Вечно ты со своей манией запасать все впрок...

«Фран-рир», Франция.

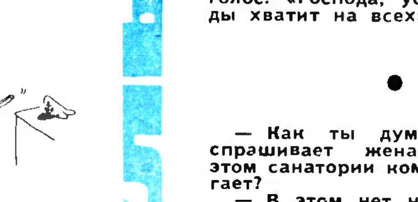

«Штерн», ФРГ.

Дамы и господа! Позвольте ваши билеты!

«Биллед-бладет», Дания.

«Пари-матч», Франция.

У могилы на коленях стоит мужчина и плачет. Прохожий участливо спрашивает:

— Почему вы плачете, сударь?

— Я обещал жене, что, если она умрет, я последую за ней, но не выполнил обещания.

— Кто же вам мешает сдержать слово?

— Вторая жена. Я обещал ей то же самое, а она еще жива. Не могу же я, черт побери, разорваться!

«Сатердей ивнинг пост», США.

— Это ты пришел, дорогой? Ты знаешь, в газете пишут о какой-то растрате в твоем банке...

«Темпо», Италия.

Одна дама говорит другой:

— Нам вместе с сестрой шестьдесят лет на двоих.

— Боже мой,— отвечает ее подруга,— и вы не боитесь оставлять такую маленькую сестру одну дома?

●

Жена сообщает мужу:

— Я читала очень интересную статью о мужчинах. Автор утверждает, что после женитьбы они становятся гораздо умнее.

Муж:

— Да, но тогда это уже слишком поздно.

●

Две женщины разговаривают о своей приятельнице:

— У нее столько знакомых, что многих из них она даже никогда не видела.

●

На пароходе вспыхнул пожар. Началась суматоха, каждый пассажир, не обращая внимания на других, стремился выбраться на палубу. Паника прекратилась только тогда, когда раздался зычный голос: «Господа, успокойтесь! Воды хватит на всех».

●

— Как ты думаешь, Фриц,— спрашивает жена,— лечение в этом санатории кому-нибудь помогает?

— В этом нет никакого сомнения, дорогая. Ты только посмотри, как прекрасно выглядит обслуживающий персонал.

●

Джин ЛАЙТЕН (Англия)

Сухое мартини

Мужчина, усевшийся за стойку бара, заказал бокал сухого мартини.

— Только, ради бога, не забудьте опустить в бокал оливку,— сказал он бармену.

— Пожалуйста,— кивнул бармен и поставил перед гостем запотевший бокал.

Гость выудил ложечкой из бокала оливку, положил ее на чистый лист бумаги и с видимым удовольствием выпил бокал.

— Повторите, пожалуйста,— сказал гость,— но только не забудьте оливку.

— Вы могли бы и не напоминать мне про оливку,— обиделся бармен.— Я знаю, как готовить мартини.

— Ну и прекрасно,— кивнул посетитель, снова выуживая оливку из свежего бокала. Выпив его содержимое, он кивнул бармену.

— Еще бокал.

...Выпив десятый, гость посоловевшими глазами взглянул на бармена, икнул, покачнулся и пробормотал:

— Ну, а те-перь раш-пла-платимся.

Кое-как он сделал из листка бумаги кулек и сунул его вместе с оливками в карман.

— Жена...— сказал он бармену,— жена... пони-маете, послала меня купить... понима-аете, послала... меня. Меня, понимаете, купить сто грамм оливок. И вот, пожалуйста, я с ней никогда не спорю!

В библиотеке производили инвентаризацию книг.

— На седьмой странице дырка! — воскликнула молоденькая библиотекарша и, перевернув страницу, добавила:— И на восьмой тоже...

●

— Итак, вы проявили храбрость и шагнули вперед, когда капитан вызывал добровольцев?

— Ну, не совсем так. Остальные просто шагнули назад, а я не успел.

●

В парижском антикварном магазине были выставлены на витрине пять статуэток, а под ними табличка: «Пять чувств».

Когда одну из статуэток купили, владелец магазина сменил табличку. Новая гласила: «Четыре времени года».

Купили еще одну. Под оставшимися появилась надпись: «Три грации».

Когда статуэток на витрине осталось только две, под ними было написано: «День и ночь». Наконец последняя непроданная статуэтка была названа «Одиночество».

●

— Я получаю 4 тысячи крон за исполнение скрипичного концерта. Ровно по одной тысяче на струну!

— Должно быть, вы жалеете, что не играете на арфе?

●

Школьника впервые повели на концерт. Когда он вернулся домой, бабушка спросила его:

— Ну как, Вилли, хорошо пели артисты?

— Не очень. Несколько песенок им пришлось повторить по требованию публики.

КРОКОДИЛ

№ 10 (2020)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Ю. Ганф, А. Грунин, Е. Гуров, В. Жаринов, А. Ибрагимов (Дагестанская АССР), В. Мохов, Л. Немировский, В. Спельников (г. Рязань), Ю. Черепанов, В. Шварц.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22/III 1972 г. А 00895. Подписано к печати 31/III 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч. изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 170 400). Изд. № 677. Заказ № 2750

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

НАТОВСКИЙ СТРИПТИЗ В ПОСТАНОВКЕ ПЕНТАГОНА

Рисунок Ю. ГАНФА